

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКИЙ СЛАВЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Р. Дж. Абдрахманова

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ

Учебное пособие

Допущено Министерством образования и науки
Кыргызской Республики в качестве учебного пособия
для студентов высших учебных заведений

Бишкек 2014

УДК 80/81
ББК 81.2 я73
А 14

Рецензенты:

Ч.С. Тулеева, д-р филол. наук, КРСУ
С.З. Садыкова, канд. филол. наук, доц.,
зав. каф. немецкого языка Института лингвистики
КГУ им. И. Арабаева

Рекомендовано к изданию
Ученым советом ГОУВПО КРСУ

Абдрахманова Р.Дж.

А 14 ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ: учебное пособие.
Бишкек: Изд-во КРСУ, 2014. 108 с.

ISBN 978-9967-19-137-2

Представлены основные сведения о лингвистической типологии, ее направлений, описаны методы типологии.

Лингвистические данные о современной типологии необходимы для повышения теоретического уровня и профессиональных компетенций будущих преподавателей, переводчиков, специалистов по межкультурной коммуникации, а также аспирантов, занимающихся научными исследованиями в области сравнительно-типологического языкознания.

А 4602000000-14

ISBN 978-9967-19-137-2

УДК 80/81

ББК 81.2 я73

© ГОУВПО КРСУ, 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

Лингвистическая типология, как особый раздел языкознания ставит своей целью ознакомление студентов с актуальными вопросами типологического описания языков; широким спектром направлений лингвистической типологии; языковыми универсалиями; фонологической, лексической и синтаксической типологией.

Основными задачами дисциплины являются ознакомление студентов с общим принципами лингвистической типологии (лингвистики универсалий); развитие навыков сравнения по линии лингвистических универсалий языков, далеко отстоящих друг от друга в плане родства и культур народов, говорящих на этих языках; закрепление полученных знаний в систематизации лингвистических данных современной типологии в процессе углубленного практического типологического анализа языков, которые дадут возможность использовать полученный опыт в дальнейшем в своей профессиональной деятельности в качестве преподавателей, переводчиков, специалистов по межкультурной коммуникации.

В пособии представлены характеристики классических морфологических типов языков, место немецкого, английского и русского языков в морфологической (типологической) классификации языков мира; методы типологических исследований (методы сравнения; дистрибутивный анализ; компонентного анализа метод; непосредственно составляющих метод; трансформационный метод); описаны концептуальная (функциональная) типологическая классификация языков, квантитативная типология. После каждого раздела дана литература.

Раздел 1. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ КАК ОСОБЫЙ РАЗДЕЛ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

§1. НАПРАВЛЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ, ЦЕЛИ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Языковая и карта народов мира (этническая) представляют основанные на генеалогической классификации языки, распространенные на земле. Общее число языков мира, языки народов, населяющих (и населявших ранее) земной шар определяют от 2500 до 5000 (количество же этносов в мире примерно 1300–1545). Точная цифра не установлена из-за условности различия между разными языками и диалектами одного языка, в особенности для бесписьменного состояния. Отмечают о существовании 6 тысяч языков. К наиболее распространенным языкам мира принадлежат (число говорящих в млн человек–1975): китайский (800), английский (350), русский (240), испанский (210), хинди и близкий ему урду (200), индонезийский (130), арабский (127), бенгальский (125), португальский (115), японский (111), немецкий (100), французский (90), итальянский (65), панджаби (60), телугу (52), корейский (52), маратхи (48), тамильский (47), украинский (45). Все языки мира делятся по родственным связям на языковые семьи. Каждая языковая семья включает группы близких друг другу языков (германские языки, тюркские языки и др.), бывших в древности диалектами одного языка или входивших в один языковой союз.

Тюркские языки (89 млн человек) включают следующие группы: 1) болгарскую, к которой принадлежит чувашский язык; 2) юго-западную, куда входят турецкий, азербайджанский, туркменский и некоторые другие языки; 3) северозапад-

ную, к которой относятся татарский, казахский, башкирский, караимский, кумыкский, ногайский, каракалпакский языки, а также кыргызский язык, объединяемый вместе с алтайским языком в особую кыргызско-кыпчакскую группу; 4) юго-восточную, включающую узбекский и современный уйгурский языки; 5) северо-восточную, к которой принадлежат якутский язык и ряд других языков Сибири и Алтая, а также мёртвые тюркские языки с наиболее древними памятниками (древнеуйгурский – древнетюркский язык и язык орхоно-енисейских надписей). К ним относится и гуннов язык (Тенишев Э.Р. Языки мира: Тюркские языки. М., 1997. С. 52–53). В последних исследованиях истории гуннов, короля гуннов Аттилы, древнего тюрка, гуннокыргыза или древнего кыргыза (Бек фон А. «Гунны», кн. 1–3, Бишкек, 2009; А.А. Бекбалаев «Аттила – предок кыргызов», Б.: КРСУ, 2011. С. 3–114), отмечается язык общеплемен, как гунно-древнекыргызский язык. Исследования тюркских рун, возможно, дадут сведения о следах гунно-древнекыргызского языка.

Наиболее изученной является индоевропейская семья языков (1860 млн человек), в частности германские и славянские языки.

К изучению взаимосвязанных сходных черт в отдельных языках, выявлению системных сходств как некоторого *типа* устройства языка, и на этой основе к выявлению существующих на Земле типов языков стремится лингвистическая типология (ЛЭС, 1990).

Лингвистическая типология (от греч. *typos* – отпечаток, форма, образец и *logos* – слово, учение) – сравнительное изучение структурных и функциональных свойств языков независимо от характера генетических отношений между ними.

Типология – один из двух основных аспектов изучения языка наряду со сравнительно-историческим (генетическим) аспектом, от которого оно отличается онтологически (по существенным характеристикам предмета исследования) и эпистемологически (по совокупности принципов и приемов исследования). В лингвистической типологии понятие соответствия

не является обязательно двуплановым (в форме и значении) и может ограничиваться только формой или только значением сопоставляемых единиц. В качестве третьего подхода выделяется ареальная лингвистика наряду с лингвистической типологией и сравнительно-историческим языкознанием.

Общая типология занимается классификацией, разработкой таких понятий, как тип языка, тип в языке, языковой тип, универсалии, язык-эталон, изоморфизм/алломорфизм.

Частная типология подразделяется на уровневую типологию (типы подсистем языков); ареальную (область географического распространения языков, языковые союзы); контрастивную типологию (типологические характеристики родного и изучаемого языка).

Типология базируется на исследованиях отдельных языков и тесно смыкается с общим языкознанием, используя разработанные в нем концепции структуры и функций языка.

В зависимости от предмета исследования различаются функциональная (социолингвистическая) типология и структурная типология.

Предмет **функциональной типологии** – язык как коммуникативное средство, рассматриваемый сквозь призму его социальных функций и сфер употребления.

Предмет **структурной типологии** – внутренняя организация языка как системы. При этом различают формальную типологию, которая ориентирована только на план выражения (языковая система), и контенсивную типологию, ориентированную на семантические категории языка и способы их выражения.

Типологическое исследование может иметь различные, но взаимосвязанные цели, по которым определяются следующие виды типологий:

Инвентаризационная типология занимается констатацией структурных сходств и различий между языками.

Импликационная типология представляет интерпретацию систем языков в плане совместимости - несовместимости

структурных характеристик и типов структурной сообразности как систем в целом, так и отдельных уровней языка.

Таксономическая типология занимается классификацией языков по определенным типам и классам, которая обычно считается основной и конечной целью типологии. [Таксономия – греч. – taxis – расположение, строй, порядок и nomos – закон. Означает также теорию классификации объектов в иерархически организованных областях реальности]. Таксономии такого рода строятся непосредственно на данных инвентаризационной типологии, относя язык к определенному классу. Они называются **классохорическими** (от греч. khōrizō – разделять, разграничивать). **Типохорические** таксономии ориентированы на тип языка. Типохорические таксономии призваны распределить языки по относительно ограниченному числу типов, отражающих *внутренние* закономерности сочетания различных структурных признаков.

Классохорические таксономии только регистрируют многообразные *внешние* структурные сходства и различия между языками.

Различие между двумя видами типологической таксономии состоит в степени отражения глубинных закономерностей строения языков.

Основания классификации в типологии могут быть различны, что обусловлено разной трактовкой центрального понятия типологии – языкового типа, которое может означать и «тип языка», и «тип в языке». Во второй половине XX в. типология стала рассматривать тип языка не как простую совокупность отдельных структурных свойств (что дает «тип в языке»), а как иерархический комплекс семантико-грамматических характеристик, связанных импликационным отношением (В.Н. Ярцева). Это предполагает выделение в каждом типе наиболее общей доминирующей характеристики, имплицитующей ряд прочих. Таким подходом к типологической таксономии является **контенсивная типология** (Г.А. Климов)].

Контенсивная типология берет в качестве главного признака синтаксические характеристики (выражение субъектно-

объектных отношений в предложении), из которых выводимы некоторые общие черты лексической и морфологической структуры.

Ориентация типологии на типохорические таксономии выдвигает на первый план задачи импликационной типологии, которая создает базу для определения языковых типов, вскрывая импликационные отношения между структурными свойствами языка (Дж.Х. Гринберг). [Дж.Х. Гринберг и его последователи, изучают совместимость и взаимозависимость в языках мира различных признаков порядка членов предложения – субъекта, объекта и глагольного предиката, и порядка членов синтагм – определительной, генитивной, нумеративной, соотношенности с ними преимущественной префиксации или суффиксации].

Отнесение того или иного языка к определенному классу на базе инвентаризационно-типологических данных является процедурой *фрагментарной типологии* (subsystem typology), и таксономическая принадлежность языка в этом случае называется скользящей характеристикой.

Отнесение языка к определенному типу на базе импликационно-типологических данных относится к *цельно-системной типологии* (whole-system typology). Таксономическая принадлежность языка носит при этом более фундаментальный, стабильный характер. [Вместе с тем локализация языка в любой типологической таксономии, в отличие от генеалогической, характеризуется тем, что он может изменяться в своем историческом развитии. Признаки класса могут изменяться быстрее, чем признаки типа, и независимо от них. Например, язык в силу внутренних или внешних причин может развить или утратить носовые гласные, перейдя тем самым из одного класса фонологической таксономии в другой, но сохранив при этом принадлежность к тому же типу].

Изменчивость языковых типов во времени вплоть до полной смены языком его типовых черт, например, трансформация синтетического типа в аналитический делает актуальной историческую типологию.

Историческая типология изучает принципы эволюции языковых типов, и проводит типологическую реконструкцию предшествующих структурных состояний и типов языков. В пределах исторической типологии выделяется диахроническая (историческая) типология, устанавливающая типы конкретных структурных изменений.

В таксономическом плане типовая принадлежность конкретного языка есть не абсолютная, а относительная характеристика, устанавливаемая на основе преобладающих типовых черт. С этим связана плодотворность разработки количественной типологии

Количественная типология оперирует статистическими индексами, отражающими степень представленности в различных языках того или иного качественного признака. [В типохорической таксономии каждый тип определяется по среднему значению индексов. Эти индексы выводят частотность ведущих признаков типа. В классохорической таксономии представляется отдельный класс. Они выделяются по абсолютному качественному признаку, в виде множества подклассов. По каждому признаку языки распределяются по шкале, отражающей относительный вес классного признака в каждом из них. Например, исследованием класса префиксирующих языков на основе изучения представленности префиксации в реальных текстах на разных языках, занимается стилистическая типология].

Стилистическая типология (как внутриязыковая, так и межъязыковая) образует автономную типологическую дисциплину, как промежуточное звено между функциональной и структурной типологией. В центре внимания – диатипическое варьирование и изменчивость языкового типа во времени, в пространстве. Также решается проблема разграничения инвариантов и вариантов в связи с определением языковых типов.

Универсология изучает языковые универсалии. Типология отличается от нее характером устанавливаемых закономерностей. Если для типологии существенны координаты времени и пространства, то универсалии же панхроничны и всеобщы.

Вместе с тем типологический подход не исключает анализа определенных генетических групп или семей языков. Целью такого анализа является выяснение типологической специфики генетических группировок и поиск возможных типологических коррелятов таких генетических понятий, как «тюркские языки», «славянские языки», «индоевропейские языки» и др. (См., например, исследования типологии индоевропейских языков Н.С. Трубецкого, Р.О. Якобсона, П. Хартмана).

Характерология (термин В. Матезиуса) оформилась как относительно автономная типологическая дисциплина, занимающаяся определением типологической специфики генетических группировок и поиск возможных типологических коррелятов. [Понимание «характера» изучаемых языков основано на предварительно отобранных типологических характеристиках и значимых чертах изучаемых языков, полученных в результате исследований по типологии лексических систем, литературных языков, языковых ситуаций].

Контрастивная лингвистика, сложившаяся в середине XX в., исследует типологические характеристики языков, различных по своей типологической и генетической принадлежности. При сопоставлении исследуемых языков обращается особое внимание на их несходные, контрастные черты.

Формальная типология с середины XX в. продолжает интенсивную разработку общей и частной типологии (Р. Якобсон, Дж. Гринберг, Ч.Ф. Вёглин, П. Менцерат, Т. Милевский, В. Скаличка, А. Мартине, Э. Станкевич, Х. Зайлер), развивается квантитативная типология, созданная Дж. Гринбергом

(А.Л. Крёбер, С. Сапорта, И. Крамский, В. Крупа и др.). В СССР разработка шла по линии континентивно-синтаксической и категориальной типологии (И. И. Мещанинов, С.Д. Кацнельсон, А.А. Холодович). В этой области были достигнуты значительные успехи (особенно в теории синтаксических типов, рассматривавшихся в плане внутренней импликационной структуры и исторической эволюции). Особое место в истории советской типологии занимают сопоставительные и типолого-диахронические исследования Е.Д. Поливанова.

Во второй половине XX в. в СССР широко разрабатываются проблемы континентальной и формальной типологии (Б.А. Успенский, В. Ярцева, В.М. Солнцев, Ю.В. Рождественский, Т.М. Николаева, М.И. Лекомцева, С.М. Толстая, О.Г. Ревзина, В.С. Храковский, С.Е. Яхонтов, А.Е. Кибрик, Я.Г. Тестелец и др.). Все большее развитие получает диахроническая и историческая типология (В.М. Иллич-Свитыч, Т.В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов, М.М. Гухман, Б.А. Серебренников, В.А. Дыбо, В.Н. Топоров). Исследуются языки Азии, Африки и Океании. В 60–70-е гг. XX в. складывается социалингвистическая типология.

Социалингвистическая типология [Исследование социальной эволюции языка и общества (коммуникативный ранг языка; письменность и продолжительность письменной традиции; стандартизация и кодификация языка; взаимоотношение литературного языка с диалектами, просторечием; правовой статус языка в условиях многоязычия; профессиональный статус языка; учебно-педагогический статус языка): в США – У. Стюарт, Ч.А. Фергюсон, Дж. Фишман, Д.Х. Хаймз, Х. Клосс); в СССР – М.М. Гухман, Л.Б. Никольский. Ю.Д. Дешериев, Г.В. Степанов; в Кыргызстане – А.О. Орозбаев.).

Этнолингвистическая типология (Н.И. Толстой). [Исследование соотношения и связи языка и духовной культуры, языка и народного менталитета, языка и народного творчества, их взаимозависимости и разные виды их корреспонденции [Идеи И.Г. Гердера, В. Гумбольдта; этнолингвистика в славистике – Н.И. Толстой; Ф.И. Буслаев; А.Н. Афанасьев; А.А. Потенция; Ф.Боас, Э.Сепир – американская этнолингвистика, изучающая культуру и языки американских индейцев; Е.Бартминский; А.С. Герд; Я. Анусевич (Польша), М.М. Копыленко (Казахстан) и др.

§2. ЗАРОЖДЕНИЕ И ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ТИПОЛОГИИ ЯЗЫКОВ В ЗАРУБЕЖНОМ (НЕМЕЦКОМ) ЯЗЫКОЗНАНИИ

2.1. Типологическая и генеалогическая классификации языков (Фридрих Шлегель, Август Шлегель, Ф. Бопп)

Зарождение и первоначальное изучение типологии языков началось в немецком языкознании еще в XIX в. Сама же идея типологии языков по общим структурным признакам возникла около 200 лет назад в Германии. Впервые вопрос о типе языка и попытка классифицировать языки на этом основании был поставлен школой романтиков. Так появилась книга немецкого романтика Фридриха фон Шлегеля «О языке и мудрости индийцев» – «Ueber die Sprache und Weisheit der Inder» (1808)). Располагая материалом по сопоставлению санскрита, греческого, латинского и тюркских языков, Ф. фон Шлегель разделил эти языки на два типа: флективные и аффиксирующие. Это разделение положило начало типологическому описанию языков, т. е. не связанному с происхождением,

Фридрих Шлегель впервые вынес на обсуждение проблемы типологической и генеалогической классификаций всех известных ему языков в главах работы «О грамматической структуре» и «О двух разновидностях языков по их внутреннему строению». Все языки он делит на два разряда: к первому относятся языки, которые передают грамматические значения с помощью внутреннего изменения корня, а ко второму – т. е. языки, которые для этой цели употребляют особые показатели, их единственное назначение – выражение грамматических значений. Первые он называет *флективными языками*. Ф. Шлегель понимал флексию лишь как внутреннее изменение корня. Он считал, что формы внутренней флексии возникли путем «органического развития корня», флективные языки он называет «органической тканью», отмечая их «постоянство

и устойчивость» (1808:51). К этой группе он относит индоевропейские языки.

Языки, не обладающие флексией в таком ее значении, т. е. принадлежащие ко второму разряду, он называет «скоплением атомов» и сравнивает их корни с «неплодоносным семенем» (1808:51). Сюда он причисляет все неиндоевропейские языки.

Таким образом, Фридрих Шлегель разделяет языки на две большие категории: языки, которым присуще «органическое развитие корня», обладающие внутренней флексией, и языки с «механическим присоединением» аффиксов для выражения грамматических значений, Ф. Шлегеля, который противопоставил флективные языки (имея в виду в основном индоевропейские) нефлективным, аффиксальным. Тем самым флексии и аффиксы были противопоставлены как 2 типа морфем, создающих грамматическую форму слова. Нефлективные языки оценивались им по степени их «эволюционной близости» к флективным и рассматривались как тот или иной этап на пути к флективному строю. Последний тип Ф. Шлегель объявил наиболее совершенным (идея оценки эстетического совершенства языка занимала в его концепции центральное место, что соответствовало и общепринятым филологическим воззрениям эпохи).

Позднее брат Ф. Шлегеля Август Шлегель (1767–1845) усовершенствовал эту классификацию. Он выделяет языки «без грамматической структуры», в дальнейшем названные аморфными или изолирующими, что положило начало выделению еще одного параметра классификации языков – синтетизма и аналитизма. В своем сочинении «О провансальском языке и литературе» (1818) – «*Sur la littérature provençale*» он выдвигает деление языков уже на три класса: «языки без грамматической структуры, аффиксирующие и флективные языки» (с. 159). К первой группе он относит корневые языки типа китайского («Можно было бы сказать, что все слова в них - корни, но корни бесплодные, не производящие ни растений, ни деревьев» (с. 159). Писать научное сочинение таким языком – это *tour de force* («просто подвиг»).

Ко второй – языки с «механическим» присоединением аффиксов, еще сохраняющих самостоятельное значение. В отличие от своего брата, А. Шлегель под флексией понимает не только внутреннюю, но и внешнюю флексию, в которых есть принцип «органического» развития». К этой группе он относит как индоевропейские, так и семитские языки.

Сравнивая санскрит, латинский и новые романские языки, он заметил, что чем древнее язык, тем более в нем развита флексия, тем он более синтетичен, и, напротив, чем новее язык, тем больше в нем аналитических форм. Поэтому А. Шлегель вводит подразделение флективных языков на синтетические и аналитические, как на более ранние и более поздние стадии развития языка.

Таким образом, заслугой А. Шлегеля было выделение двух техник описания морфологического значения: синтетической и аналитической. Различение этих техник учитывается практически во всех последующих типологических классификациях языков.

Ф. Бопп в «Сравнительной грамматике» (1833) не соглашается с теорией «органического» развития корня и развивает свою теорию агглютинации. [Он исходит из того, что индоевропейские флективные формы – не что иное, как результат сложения корней. Все индоевропейские корни делятся на два класса: глагольные, от которых происходят глаголы и имена, и местоименные, от которых происходят местоимения, предлоги, союзы и частицы. В образовании флексии участвуют в основном местоименные корни путем сложения (агглютинации) с глагольными и именными корнями. Сами же глагольные корни играют второстепенную роль и образуют флексию (глагольные корни с более абстрактными значениями)].

Не соглашается он и с выдвинутым Ф. Шлегелем делением языков. Если Ф. Шлегель истолковывал свою классификацию языков, руководствуясь принципом «лучше – хуже», то Ф. Бопп гораздо большее внимание уделяет самому строению этих языков (ср.: «в новогерманских языках многие отношения выражаются описательно, тогда как в готском они обозна-

чались флексией, так же, как в санскрите и греческом» (1833, т. I, стр. 112).

Ф. Бопп устанавливает также три класса языков. Подобно А.Шлегелю, к первому классу он относит «языки без настоящего корня и без способности к соединению и поэтому без организма, без грамматики. Сюда относится китайский (ср.: «который весь, как кажется, состоит из голых корней; грамматические категории, так же как и вторичные отношения главных понятий, узнаются в нем по положению слов в предложении» (стр. 113)). Ко второму классу Ф. Бопп относит языки «с односложными корнями, способными к соединению. Основной принцип словообразования в этом классе заключается в соединении глагольных и местоименных корней, которые совместно представляют и тело и душу» (стр. 113). К этому классу он относит индоевропейские языки. Сюда же он относит «все прочие языки, если только они не подпадают под первый или третий класс и сохраняются в состоянии, которое делает возможным сведение форм слова к простейшим элементам» (стр. 113). Таким образом, этот класс у Ф. Боппа по определению близок к аффиксальным А. Шлегеля, но по составу отличается от него, т.к. охватывает и агглютинативные языки и часть флективных (индоевропейские языки).

К третьему классу Ф. Бопп относит языки с двусложными глагольными корнями и тремя обязательными согласными в качестве единственного носителя основного значения. Этот класс охватывает только семитские языки и образует их грамматические формы не посредством соединения, как второй класс, а только внутренней модификацией корня.

Таким образом, агглютинативные и флективные языки им отнесены к одному классу, а семитские выделены в отдельный класс.

Разделение языков Ф. Бопп проводит только лишь с точки зрения своей *теории агглютинации*. Он устанавливает, что индоевропейская флективность когда-то представляла собой чистую агглютинацию. Поэтому он решает, что агглютинирующие в настоящее время языки и флективные. Когда-то они

были агглютинирующими, поэтому они представляют собой один тип, и в принципе не отличаются. Его ошибкой было то, что он не разграничивал разную степень спаянности элементов слова в таких языках.

В отличие от братьев Шлегелей, Ф. Бопп не считает связь между элементами слова в агглютинативных языках механической и искусственной. [Ср.: «Почему же языкам добавочные значения не обозначать также добавочными словами, присоединяемыми к корням? Имена обозначают лица или предметы, к ним примыкает то, что выражают абстрактные корни» (стр. 114). Ф. Бопп считает, что индоевропейские языки имеют безграничную способность к составлению и агглютинации, и соответственно располагают для этого необходимыми средствами. Но в семитских языках он не находит подтверждения своей теории сложения и, видимо, поэтому выделяет эти языки в отдельный класс.]

Ф. Бопп не затрагивает общефилософские проблемы языка и мышления.

2.2. Морфологическая классификация языков В. фон Гумбольдта

Вильгельм фон Гумбольдт (1767–1835) в своих работах обсуждал и ставил проблемы исключительно философского, общезыковедческого характера. [Чрезвычайная лингвистическая эрудиция и широчайший диапазон исследования были той основой, на которой он строил свою лингвистическую концепцию. Наиболее полно свои лингвистические идеи и построения он выразил в теоретическом введении к большому труду «О языке Кави на острове Ява» под названием «О различии строения человеческих языков и о влиянии этого различия на духовное развитие человеческого рода». В своем сочинении «Ueber die Verschiedenheit der menschlichen Sprachen» (1836) сделал типологический тип анализа центральным при исследовании языка, и в каждом языке видел особое, индивидуальное самораскрытие духа (Geist)].

При создании своей морфологической классификации языков В. фон Гумбольдт исходит из различия языковой структуры, организации языковых единиц в различных языках, руководствуясь главным принципом теснейшей связи языка и мышления («всякое мышление состоит в отделении и совокуплении стихии мысли, то во внутреннем чувстве языка должно быть живо сознание потребности символически изображать в речи все роды совокупления понятий» (стр. 129).

Он делит языки на четыре типа: флективные, агглютинативные, корневые и инкорпорирующие, отмечая, что форма всех языков в сущности одинакова, везде она достигает общей цели языка. Различие может состоять только в средствах и только в границах, совместных с достижением цели. Различия разнообразны, которые проявляются не только в одних звуках.

Наиболее совершенным способом для выражения тех или иных грамматических значений В. Гумбольдт считает флексию. (Но флексию он понимает гораздо шире, чем его предшественники. Появление флексии как способа передачи грамматических значений он объясняет возникновением необходимости дать слову двоякую выразительность: они заключают название понятия и отметку категории, в которую ставится понятие). В словах флективных языков выделяются два компонента значения: значение лексическое и значение грамматическое. Соединение этих двух значений в составе слова образует особое единство, свойственное только флективному типу языка.

Флективный и агглютинативный способы словопроизводства называются им «наращательными, но они отличаются степенью развитости.

Агглютинативные языки, по мнению В. фон Гумбольдта, занимают промежуточное положение между корневыми и флективными языками. Агглютинация – это не что иное, как «словосложение, употребляемое вместо флексии», «флексия по намерению, а не по исполнению». В отличие от индоевропейской флексии, здесь имеет место более или менее механическое прикладывание, а не чисто органическое наращение. Поскольку он не считал флексию органическим развитием

корня, как Ф. Шлегель, здесь под «органическим наращением» следует понимать тесное фонетическое сращение корня и грамматического форманта. В. Гумбольдт заключает, что именно такого тесного единства не представляет корень и аффикс в агглютинативных языках. Но признает аффиксы, наряду с внешней и внутренней флексией, как средства выражения грамматических отношений.

В. Гумбольдт видит сходство языков агглютинативных с флективными в том, что в них также имеются «грамматические отметки» в словах. Отличие же состоит в том, что в них нет «чистого осуществления» этих «отметок»; имея множество грамматических форм, такие языки «никогда не могут достигнуть выражения истинного понятия грамматической формы» (стр. 25).

В. Гумбольдт не отделяет агглютинативные языки от флективных особым образом (как и Ф. Бопп). Те и другие – одного рода, т. к. они допускают «отметки категорий посредством окончаний». Различие между ними состоит в стремлении к правильной форме (в силе флективного чувства языка). Он замечает, что в отдельных случаях очень трудно различать флексию и агглютинацию. Для более точного их определения нет твердых критериев.

Корневые языки рассматриваются им на примере китайского языка, характерным признаком которого является полное отсутствие всякого признака категорий слов, т. е. отсутствие обозначения грамматической формы. Грамматические формы выражаются порядком слов.

В классе агглютинирующих им выделены языки со специфическим синтаксисом предложения – инкорпорирующие; тем самым в предмет рассмотрения вводится также *предложение*. В качестве критерия, определяющего тип языка, рассматривается *способ образования предложения*, что позволило ему выделить особый тип инкорпорирующих языков.

Инкорпорирующий – четвертый тип языков рассматривается на материале языков американских индейцев, баскского языка, полинезийских языков. Самым общим принципом

строения структуры этих языков является принцип словосложения. [Сложные слова редко содержат в себе первоначальное слово, в целости: от него берется для сложения только часть. Формы слова при сложении подвергаются значительным изменениям в этих языках, но этимология слов не разрушается при внешнем изменении].

По В. Гумбольдту, морфология языка выражает народный дух, а совокупность тех или иных свойств создает определенный колорит, характер языка как носителя духа того или иного народа. Структура языка соотносима с умственной организацией народа, носителя этого языка. (Ср.: «В каждой части языка такое изучение приводит к тому внутреннему настроению духа, который во все эпохи человеческого образования служит горнилом глубочайших воззрений, обильнейшей полноты мыслей и благороднейших чувств» (с. 192). Он признает не только влияние языка на характер народа, но и о взаимовлияние между характером народного мышления и языком. Различия в структуре человеческих языков объясняет тем, «говорящие ими народы различны», поскольку занимают «неодинаковое положение в своем существовании», имеют «живую и неразрывную связь языков с умственной силой народа» (с. 282).

Именно эти мысли Гумбольдта получили свое дальнейшее развитие в трудах лингвистов, образовавших психологическое направление в языкознании, особенно в трудах Г. Штейнталя и А.А. Потебни. Высказывание Гумбольдта «язык народа есть его дух, а дух народа есть его язык» становится впоследствии определяющим принципом этого направления.

Становление и развитие языковых форм он относит к самым сложным и глубинным проблемам. Он считает, что все языки «приближаются либо к китайской наготе слов, не прикрытых грамматическими отношениями, либо к системе крепкой смычки всех звуков, обозначающих отношение» (с. 304). С точки зрения Гумбольдта, *языковой тип* определяется тем, насколько крепко единство слова, и тем, как разделяются члены в составе предложения. Здесь им указаны основные

критерии, необходимые для определения языковой структуры: *принцип построения слова и предложения*.

Для типологических исследований В. Ф. Гумбольдт считает важным исследование типологии отдельных грамматических категорий и отдельных способов выражения грамматических отношений в языке. Поэтому именно типология частных языковых явлений, получила широкое развитие в современной лингвистике. [Развитие идей В. фон Гумбольдта происходит и в современном языкознании. Оформилась в самостоятельную отрасль когнитивная лингвистика, изучающая роль языка в процессе познания мира, в том числе через понятие *концепта*. Трактуются, что в качестве основного критерия определения типа языка В. фон Гумбольдт берет отношение между формой и значением слова, выражающего концепт (связь мышления и теории познания). Языковые формы как внутренние формы языка, связаны с «духом народа» (концептом)].

Морфологическая классификация языков остается классическим образцом. Позднее были попытки усовершенствовать ее на чисто морфологической основе, но они не внесли в нее принципиально новых моментов. Такие попытки были предприняты А. Шлейхером и Ф.Ф. Фортунатовым.

2.3. Концепция морфологических типов языков А. Шлейхера

На основе предшествовавших работ братьев Шлегелей, Ф. Боппа и особенно В. ф. Гумбольдта, Август Шлейхер (1821–1868) создает свою концепцию морфологических типов языков (специально этому вопросу он посвящает отдельную работу «К морфологии языка» (1858), которую помещает в «Записках Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге», будучи членом-корреспондентом этой академии).

Усовершенствовав существующие типологические классификации, он впервые вводит алгебраические обозначения элементов морфологической структуры слова. Алгебраические обозначения придают его классификации большую степень точности в сравнении с классификациями его предшествен-

ников. Типологическая классификация А. Шлейхера содержит три типа, реализуемых в двух вариантах: синтетическом и аналитическом. Он не учитывает инкорпорирующих языков. [В своей схеме он вообще не приводит инкорпоративные языки, что считается слабым местом в его типологической концепции, т.к. в инкорпоративных языках наблюдается весьма тесное единство соединяющихся корней и аффиксов, гораздо более тесное, чем в агглютинативных языках. Считается, что такое единство по степени спаянности скорее напоминает флексию, чем агглютинацию. По Шлейхеру инкорпорация – это не что иное, как разновидность агглютинации].

Языки разделяются им на три морфологических типа: изолирующий, агглютинативный и флективный, которые соотносятся с кристаллом, растением и животным в мире природы. Язык уподобил он природному организму, соотносимому с растительным и животным миром [впервые выдвигается термин морфологический тип, т. е. схожесть природных и языковых явлений. Во времена А. Шлейхера этот термин использовался исключительно при характеристике мира растений и животных]. Им выдвигается теория о преемственности языковых типов В.Ф. Гумбольдта. Но по теории А. Шлейхера флективные языки были когда-то односложными и агглютинативными. Представители этих типов языков – члены сменявших друг друга периодов жизни языка. [Сначала, по его мнению, был корневой тип, который превратился в агглютинативный, а потом – во флективный тип. Процесс трансформации языковых типов всех известных ему языков представил в своей таблице морфологических переходов языков]. Особыми формулами обозначил характер строения сравниваемых языков, например для китайского древнего поэтического языка – знак А. Языки бирманский и кхаси, также относящиеся к этому типу, выражаются формулами соответственно **А + В** и **а/ + А**. Под **а/** подразумевается «более-менее самостоятельные слова, на грани перехода от вещественных значения к обозначению отношений». Такие слова могут выступать перед звуком, имеющим вещественное значение, или после него. В структуре

отдельных языков **корневого типа** имеются элементы (потенциальные аффиксы), которые имеют функцию обозначать отношения. Тибетский язык является переходным видом между изоляцией и агглютинацией. Структура этого языка он выражает формулой **aAv + aA**.

Языки **агглютинативные** в его схеме обозначаются формулами **Aa** и **Aavc**, где малыми буквами обозначены аффиксы, большими – корень слова. Языки этого типа являются переходными видами от чистого корня до флексии, развитие идет по направлению к флективным языкам. По его концепции, семитские языки мыслятся более ранними в своем развитии, чем индоевропейские, и, следовательно, менее совершенными. Лишь индоевропейские языки прошли все стадии в своем развитии, т. е. они более развиты. Стадиальная теория происхождения языковых типов А. Шлейхера является ошибочной.

2.4. Классификация языков А. Шлейхера

Морфологические типы языков с алгебраическими символами (упрощенная схема):

I. Изолирующие языки

- 1) R – чистый корень (например, китайский язык);
- 2) R + r – корень плюс служебное слово (например, бирманский язык).

II. Агглютинирующие языки

Синтетический тип: 1) Ra – суффиксированный тип (например, тюркские и финские языки); 2) aR – префиксированный тип (например, языки банту); 3) R / a – инфигированный тип (например, бацкий язык).

Аналитический тип: 4) Ra (aR) + r – аффиксированный корень плюс служебное слово (например, тибетский язык).

III. Флективные языки

Синтетический тип: а а 1) Ra – чистая внутренняя флексия (например, семитские языки); 2) aR (Ra) – внутренняя и внешняя флексия (например, индоевропейские, в особенности древние языки).

Аналитический тип: а а 3) aR (Ra) + r – флектированный и аффигованный корень плюс служебное слово (например, романские языки, английский язык).

В последующих работах А. Шлейхер продолжает придерживаться теории стадияльного развития языковых типов. (Наблюдая развитие языков, сравнивая языки древние и новые, Шлейхер не находит подтверждения своей теории стадияльного развития строя языка. В связи с этим вслед за Ф. Боппом он устанавливает два периода в жизни языка: *доисторический* и *исторический*. В доисторический период языки развиваются. Согласно стадияльной теории А. Шлейхера, в историческую эпоху происходит выветривание и стирание большей части грамматических форм. Отсюда появление языков аналитического строя. Свою стадияльную теорию он вынужден был отнести лишь с доисторическим периодом в жизни языка.

Учение Ч. Дарвина взято им за основу для подтверждения своей стадияльной теории в работе «Теория Дарвина в применении к науке о языке» (1864), то, что является недостатком его теории. Ценным является замечание о том, что «языки целых частей земли, при всем своем различии, являют в характере сходство, подобно флорам и фаунам целых стран земли». Однообразие языков на огромных территориях вовсе не истолковывается им принадлежностью этих языков к одному корню («они не могут выводиться из одного и того же праязыка»). В дальнейшем это наблюдение получило широкое развитие, и в современной лингвистике превратилось в целую область языкознания, изучающую *языковые союзы*).

В конце XIX в. намечается переход от морфологической классификации к общей грамматической. (В работах Х. Штейнталя, М. Мюллера, Ф. Мистели, Ф.Н. Финка разделение языковых элементов на выражающие значение (корни) и выражающие отношения, которые считались наиболее существенными для определения места языка в типологической классификации, становится многомерной, учитывающей данные всех уровней языка. В дальнейшем, в каждом типологическом классе последовательно выделялись синтетический и

аналитический подтипы. Морфологический подход стал не единственным, стали закладываться подходы к общей грамматической классификации.

М. Мюллер впервые привлекает морфонологические процессы в качестве критерия.

Ф. Мистели вводит в практику типологических исследований новые для лингвистики языки – америндские, аустроазийские, африканские. Ф.Н. Финк берет критерий массивности/фрагментарности структуры слова по градуированной шкале, показывающей степень проявления признака).

§3. КЛАССИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВ Ф.Ф. ФОРТУНАТОВА

Типологическая классификация языков Ф.Ф. Фортунатова основана на общих свойствах и различиях, существующих между языками по отношению к образованию простых, т. е. не составных форм слов. Выделенные им четыре типа языков не совпадают с типами В. фон Гумбольдта. Классификация Ф.Ф. Фортунатова, будучи чисто морфонологической, не учитывает, как и типология языков А. Шлейхера, соотношения слова и предложения. В нее не вошел инкорпорирующий тип языков, но подмечено различие образования слов в семитских и индоевропейских языках. Соотношение флексии основ и обычной аффиксации не было замечено в других классификациях.

В данной классификации выделяется четыре типа языков: 1) флективные; 2) агглютинативные; 3) флективно-агглютинативные; 4) корневые.

Класс полисинтетических языков выделяется им особо и не вносится в морфонологическую типологию. Главная особенность полисинтетических языков (инкорпорация) соотносится не с уровнем морфологии, а с уровнем синтаксиса. В связи с этим класс полисинтетических (инкорпорированных) языков не вносится им в морфонологическую типологию языков.

Впервые был введен класс «флективно-агглютинативных» языков, включающий семитские языки.

(Составление морфологической классификации языков является трудоемким, потому что любая классификация не может полностью охватить весь материал, и языки, которые охватываются ею, не соответствуют полностью ее делениям. Язык по своей сущности политипологичен, т. е. каждый язык сочетает в себе признаки разных морфологических типов, одни из которых являются ведущими, а другие – второстепенными. Соотношение отдельного языка с определенным типом почти всегда в некоторой мере условно, произвольно. Типологическая классификация языков была произведена на основании учета признаков и свойств формальных сторон слова, его способности присоединять словоизменительные и словообразовательные морфемы. Поэтому данная классификация и называется морфологической.

Морфологическая классификация языков рассматривает выражение грамматических отношений слова и предложения.

Во флективных языках отношения слова, словосочетания и предложения выражены изменением звучания отдельного слова.

В агглютинативных свободно присоединяемые к слову и сочетанию слов аффиксы выражают отношения слов и словосочетаний внутри словосочетаний.

В изолирующих языках отношения слова и предложения выражены порядком слов.

В полисинтетических языках агглютинативные аффиксы могут как бы дублировать члены предложения, обозначая схему предложения. Этим исчерпываются возможные способы выражения грамматических отношений слова и предложения).

§ 4. ХАРАКТЕРИСТИКИ КЛАССИЧЕСКИХ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ТИПОВ ЯЗЫКОВ

К классическим морфологическим типам языков относят четыре языковых типа: 1) флективный: индоевропейские и семитские языки; 2) агглютинативный: тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские, финно-угорские, японский языки; 3) изолирующий: языки китайской группы; 4) инкорпориру-

ющие или полисинтетические языки: чукото-камчадалские языки и языки американских индейцев.

Целью типологической классификации языков является установление сходства и различия языков (языкового строя), которые коренятся в наиболее общих и наиболее важных свойствах языка и не зависят от их генетического родства. Типологическая классификация языков оперирует классами языков, объединяемых по тем признакам, которые выбраны как отражающие наиболее значимые черты языковой структуры (например, способ соединения морфем).

4.1. Флективные языки

К ним относятся такие языки, формы которых образуются с помощью внешней и внутренней флексии (например, славянские, балтийские, германские). Наличие внешней и внутренней флексии является важным устойчивым признаком данных языков. Другими такими признаками являются: полифункциональность грамматических морфем, наличие фузии, фонетически не обусловленных изменений корня, большое число фонетически и семантически не мотивированных типов склонения и спряжения. К флективному типу относятся индоевропейские, семито-хамитские языки; последние имеют и признаки агглютинативных языков, в чем и проявляется их политипологичность. [К флективным языкам относятся языки, занимающие различное место в генеалогической классификации. Типологическая (морфологическая) классификация не учитывает родственных связей. Ее классификационным критерием является форма изменения слова и взаимоотношения слова и предложения].

Наличие аффиксов характерно и для агглютинативных языков, но в этих двух морфологических типах языков внешняя флексия имеет существенные различия. У флексий во флективных языках имеются следующие признаки:

1) *Морфологическая омонимия*. [Ср.: морфема *-e* в немецком языке: а) личное окончание первого лица единственного числа глагола презенса индикатива; б) суффикс конъюнктива;

в) суффикс множественного числа имен существительных; г) нейтральная флексия в склонении имен прилагательных].

2) *Синтетический характер аффиксов*, т. е. совмещением в одной морфеме, в одной единице плана выражения нескольких различных значений, нескольких единиц плана содержания. Или иначе, аффиксы флективных языков полисемантически, им свойственна морфологическая полисемия. [Ср.: личные окончания глаголов в немецком языке, например, *tachst: -st* - одна морфема, одна единица плана выражения совмещает следующие грамматические значения: а) лицо – второе лицо; 2) число – единственное, т. е. две единицы плана содержания; *Tage:* морфема *-e* указывает одновременно на множественное число и именительный падеж. Русский язык: *иду* - личное окончание *-у* указывает на лицо – первое, число – единственное, и время – настоящее, наклонение – изъявительное, т. е. четыре единицы плана содержания в одной единице плана выражения; *писала:* флексия *-а* одновременно выражает такие грамматические значения как число – единственное, и род – женский].

Полисемия аффиксов флективных языков дает такой тип соответствия плана выражения и плана содержания, когда одной единице плана выражения соответствует несколько единиц плана содержания.

3) *Морфологическая синонимия*. Еще одним признаком флексии во флективных языках является выражение одного грамматического значения разными формами, т. е. морфологическая синонимия. [Ср.: выражение множ. числа имен существительных в немецком языке происходит с помощью трех суффиксов и внутренней флексии (умлаута): *Nächt-e, Häus-er, Mensch-en*; выражение дательного падежа в русском языке возможно с помощью нескольких морфем: *в степи, в руке, в степях*].

4) Для этих языков характерна также тесная спаянность аффикса с основой (корнем) слова. [Ср.: *Raben = Rabe + en; детский (децкий)*].

Флективные языки характеризуются и внутренней флексией. [Ср.: чередованием согласных в корне: *schneiden – schnitt – geschnitten; gehen – ging – gegangen; бегать – бежать, пеку –*

печь; спонтанным чередованием гласных в корне (аблаутом): ziehen – zog – gezogen, Zug; сон – сна, или исторически объяснимой перегласовкой (умлаутом): Baum – Bäume, Goos – gees; а также преломлением: nehmen, но nimmst, nimmt].

Кроме развитой внешней и внутренней флексии отмечаются и другие признаки: 1) сильное противопоставление частей речи, 2) свободный порядок слов, 3) мало сложных слов, 4) сильная синонимия грамматических элементов.

4.2. Агглютинативные языки

Агглютинативные языки (агглютинация – склеивание, приклеивание). К агглютинативным языкам относятся угрофинские, тюркские, алтайские, японский, корейский, эскимосские, индонезийск, банту. Для них характерна развитая система словообразовательной и словоизменительной аффиксации. Характеризуются наличием аффиксов в слове: в них изменение слова осуществляется с помощью агглютинативных аффиксов (частиц или прилеп), которые присоединяются к основе или корню слова. Для них характерны также отсутствие фонетически не обусловленного алломорфизма, единый тип склонения и спряжения, отсутствие значимых чередований.

Аффиксы агглютинирующих языков характеризуются следующими признаками: 1) Однозначностью: каждый аффикс имеет только одно грамматическое значение. Им свойствен строгий моносемантизм. (Моносемантизм аффиксов агглютинирующих языков дает такой тип соответствия плана выражения и плана содержания, когда одной единице плана выражения соответствует одна единица плана содержания). 2) Наличием в слове нескольких аффиксов, например, в кыргызском языке: ата (отец) – аталар (отцы) – аталарга (отцам)– аталарыбызда (у отцов) и т.д.

В сравнении с флективными языками, аффиксы агглютинативных языков имеют значимость отдельных грамем.

К типологическим признакам агглютинативных языков относят: 1) сильное противопоставление корневых и служебных элементов. Корневые элементы являются неизменяемы-

ми, а служебные являются изменяемыми. Или иначе, для агглютинативных языков характерна только внешняя флексия, внутренняя флексия отсутствует. Кроме того, корень, в отличие от флективных языков, существует как отдельное слово без служебных морфем. 2) Отсутствие тесной спаянности аффикса с корнем или основой. 3) Слабое противопоставление частей речи. 4) Мало случаев согласования. 5) Нет грамматической синонимии и омонимии. 6) Мало сложных слов.

(В однозначности аффиксов многие ученые усматривают причину устойчивости и продуктивности агглютинативного типа; последнее проявляется в том, что количество агглютинативных языков во всем мире растет. Несмотря на существенные различия, агглютинативные и флективные языки имеют и важные общие особенности, которые сближают их в грамматическом смысле: это наличие сильно развитой словообразовательной и словоизменяющей аффиксации).

4.3. Изолирующие языки

Изолирующие языки (корневые, аморфные). Изолирующие (аморфные), например, китайский язык, бамана, большинство языков Юго-Восточной Азии. К изолирующим языкам относятся такие языки, которые не имеют аффиксов, т. е. они характеризуются отсутствием словоизменения, поэтому отличаются грамматической значимостью порядка слов; знаменательные и служебные слова слабо противопоставляются. Слово в таких языках как бы равно корню, поэтому оно изолировано от других слов в предложении, не выражает своего отношения к этим словам. Основная роль в данном случае принадлежит порядку слов. При помощи порядка слов выражаются отношения между словами, т. е. для изолирующих языков характерен грамматически значимый порядок слов. К этому типу относятся китайский, тибето-бирманские языки. (Например, китайское *хао-жень* (хороший человек), *сю-хао* (делать добро), *шан* (гора, верх, подниматься). Порядок слов не является единственным средством оформления слов

в предложении, имеются и морфологические средства, например, в китайском показатель пассива «бэй»).

Характерная особенность изолирующих языков – межпарадигматическая омонимия слова. Изолирующие языки имеют такие признаки: 1) краткость слова; 2) слабое различение частей речи; 3) твердый порядок слов; 4) мало сложных слов; 5) слабая синонимия и омонимия в грамматике

Но в последнее время в китайском языке появилась тенденция к словосложению: *фэй-дци-чан* (летать + машина + площадка = аэродром); *ши-фань-сюэ-юань* (показывать + пример + наука + двор = пединститут). В китайском имеются отдельные суффиксы, выражающие частные грамматические значения: *-во* (личное местоимение первого лица) - *во мен* (множественное число, т. е. «мы»); суффикс *-де*: *чуньжень* (рабочий) – *чуньженьде* (суффикс имеет значение принадлежности, т. е. «принадлежит рабочему»). [Ср. продуктивность словосложения при создании неологизмов и окказионализмов отмечается в современном английском языке: *milkwhite* (белый, как молоко), *wavewhite* (белый, как гребень волны), *seasmiling* (улыбающийся улыбкой моря). Эта тенденция проявляет себя и как синтаксическое словосложение: *pay-as-you-see television* (абонентское телевидение), *rip-and-read newscast* (передача новостей с телетайпной ленты), *must-see-film* (фильм, который обязательно надо посмотреть)].

4.4. Инкорпорирующие языки

Инкorpopиpyющие языки или полисинтетические языки (инкорпорация – включение). Особенность этого типа языков состоит в том, что предложение строится как сложное слово, т. е. неформленные корневые слова агглютинируются в одно общее целое, которое будет и словом, и предложением. Части этого целого – и слова, и члены предложения. Целое – это слово-предложение, где начало – подлежащее, конец – сказуемое, а в середину инкорпорируются дополнения со своими определениями и обстоятельства. Основным способом выражения грамматических отношений в них является

ся инкорпорация. Термин «полисинтетические языки» чаще обозначает языки, в которых глагол может согласовываться одновременно с несколькими членами предложения. К инкорпорирующим языкам относятся индейские, палеоазиатские и некоторые другие языки. [Распространенный пример инкорпорации из чукотского языка: *ты-ата-каа-нмы-ркын*: я жирных оленей убиваю, буквально «я-жир-олень-убив-делай», где остов корпуса «*ты-нмы-ркын*», в который инкорпорируется «*каа-олень*» и его определение «*ата -жир*». Иного расположения чукотский язык не допускает, и все целое представляет собой слово-предложение, где соблюден и вышеуказанный порядок элементов. Иногда этот комплекс может обрастать суффиксами и префиксами: *ты* (префикс) - *коя-нне-к* (суффикс) = я оленей стерег. Эти комплексы представляют собой построения, которые возникают в речи].

В инкорпорирующих языках много черт агглютинативных и флективных языков. Инкорпорации сопутствует агглютинативная префиксация в чукотском языке. С агглютинирующими они сближаются по принципу объединения морфем, а с флектирующими – по наличию внутренней флексии].

Многие языки занимают промежуточное положение на шкале морфологической классификации, совмещая в себе признаки разных типов; например, языки Океании характеризуются как аморфно-агглютинативные.

§ 5. КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ (ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ) ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВ Э. СЕПИРА

Факт политипологичности языков неоднократно использовался учеными в качестве аргумента против «жесткости» морфологической классификации языков. В XX в. появились новые типологические классификации, основанные на более гибких критериях. Одна из них, самая значительная, принадлежит американскому языковеду Эдварду Сепиру (1884–1939). Его труд «Язык» внес после XIX в. значительный вклад в изучение типологии языков.

Основные недостатки существующих классификаций, где стали проявляться возможность немотивированного объединения исторически или логически не связанных признаков, обилие эмпирического материала, не подпадающего ни под один тип, зыбкость, а иногда и произвольность критериев и ограниченная объяснительная сила, заставили критически пересмотреть основные принципы ее построения.

Эдвард Сепир предпринял в 1921 г. попытку создания типологической классификации языков нового типа – функциональную.

Подвергнув критическому анализу имеющиеся типологические классификации на том основании, что они, с одной стороны, не учитывают всего многообразия языков, а с другой стороны, нередко находятся «в плену» составивших их авторов, владеющих, в основном, индоевропейскими языками, Э. Сепир сделал попытку поставить классификацию на более гибкую и более объективную основу. Привлекая неизвестные ранее лингвистическому сообществу языки американских индейцев, он выделил 4 типа своего рода элементарных сущностей, проявляющихся в каждом языке. 1) корневые, 2) деривационные, 3) смешанно-реляционные, 4) чисто реляционные. Две из них (первую – корневые, и четвертую – чисто реляционные) он относит к абсолютным универсалиям, поскольку они «непрерывно выражаются во всех языках». Две другие (деривационная и смешанно-реляционная могут отсутствовать в языковом выражении, могут быть обе в наличии или только одна из них).

Э. Сепир назвал свою классификацию концептуальной (функциональной) поскольку она *не стремится отразить только внешнюю языковую технику*, а пытается ответить на вопрос *о передаче значений в языковых символах*.

Принципиально новым представляется в ней то, что она выходит за границы морфологии, учитывая взаимопроникновение языковых уровней, прежде всего, морфологии, синтаксиса и фонологии. Не случайно при характеристике технической стороны выражения отношений Э. Сепир выделяет

кроме известных из других классификаций способов выражения языковых отношений (изоляции и агглютинации) и другие: *фузию* (взаимопроникновение элементов) и *символизацию*, объединяющую внутреннюю флексию, повтор и способ ударения. [Поясняя символизацию, он приводит пример из китайского языка, показывающий психологическую связь восходящего и нисходящего тона, различающего значения одного и того же корня *mai*: при произнесении с восходящим тоном этот корень имеет значение 'покупать', а при произнесении с нисходящим тоном – значение 'продавать' (с. 121)].

Третий аспект, получивший отражение в его классификации, – это *степень «синтезирования»* в грамматике, которую он отделяет от техники и градуирует по представленности синтеза. Степень синтеза может быть нулевой (тогда язык определяется как аналитический), нормальной (синтетический язык), слегка синтетической и «сверхсинтетической» (полисинтетический язык).

Взяв за основу типы функционирования формально-грамматических элементов, Э. Сепир выделяет 4 группы грамматических понятий: I – основные (корневые) конкретные понятия, II – деривационные, III – конкретно-реляционные, или смешанно-реляционные (значение слова наряду с лексическим компонентом содержит и значение отношения), IV – чисто-реляционные (отношение выражается порядком слов, служебными словами и т. д.). В соответствии с названными группами языки делятся на чисто-реляционные (простые – группы I и IV, сложные – группы I, II, IV) и смешанно-реляционные (простые – группы I, III, сложные – группы I, II, III).

Его работа характеризуется системностью языкового подхода, ориентацией на функциональный аспект типологизации, стремлением охватить явления разных уровней языка. К недостаткам относят то, что само понятие класса в ней оказалось нечетким, вследствие чего и группировка языков – неочевидной.

5.1. Классификация языков Э. Сепира

Довольно сложная классификация языков Э. Сепира дана в упрощенной схеме для понимания основных типов по технике, степени синтеза:

Основной тип	Техника	Степень синтеза	Пример
А. Простые чисто реляционные языки	1) Изолирующих 2) Изолирующих с агглютинацией	Аналитический	Китайский, Аннамский (Вьетнамский), Эве, Тибетский
Б. Сложные чисто реляционные языки	1) Агглютинирующий, изолирующий 2) Агглютинирующий 3) Фузионно-агглютинирующий 4) Символический	Аналитический Синтетический Синтетический Аналитический	Полинезийские Турецкий Классический тибетский Шиллук
В. Простые смешанно реляционные языки	1) Агглютинирующий 2) Фузионный	Синтетический Аналитический	Банту Французский
Г. Сложные смешанно-реляционные языки	1) Агглютинирующий 2) Фузионный 3) Фузионный, символический 4) Символично-фузионный	Полисинтетический Аналитический Чуть синтетический Синтетический	Нутка Английский Латинский Греческий Санскрит Семитские

Функциональная типологическая классификация языков Э. Сепира отличается от классических морфологических классификаций двумя особенностями: 1) она носит количественный характер в противовес абсолютным характеристикам; 2) языковые типы определяются в ней в терминах комбинирования свойств в отличие от классических типологий, построенные на единичных свойствах. Эти принципы получили свое дальнейшее развитие в последующих типологических исследованиях языков.

§ 6. КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ТИПОЛОГИЯ ДЖ.Х. ГРИНБЕРГА

Джозеф Харольд Гринберг и его количественный подход к типологии и описанию языковых универсалий в истории современных типологических исследований привел к возникновению количественной типологии. Идеи Эдуарда Сепира Дж. Гринберг переосмыслил с позиций современной ему научной методологии. Именно благодаря работам Дж.Х. Гринберга, типологические исследования вышли на новый, строго научный уровень описания и осмысления, преодолев нечеткость и двусмысленность оснований предшествующих типологических построений. По Дж. Х. Гринбергу, принципиальная проблема предшествующих типологических классификаций заключалась в отсутствии объективных критериев разграничения языков (Гринберг Дж. Количественный подход к морфологической типологии языков // Новое в лингвистике: вып. III. М., 1963. С. 60–94). Им был разработан формальный аппарат для классификации языков.

В основе его методологии лежит пять признаков: сложность слова, способ связи, наличие/отсутствие деривационных и конкретно-реляционных понятий, порядок следования подчиненных элементов по отношению к корню, способ установления связи между словами.

Каждый признак характеризуется через отношение: «количество X по отношению к количеству Y ». Каждая единица

получает строгое количественное определение, выраженное в соответствующем числовом индексе.

6.1. Типологические квантитативные индексы Дж. Гринберга

Метод Дж. Гринберга («Квантитативный подход к морфологической типологии языков» (1960), который он предлагает, опирается в своей основе на метод Э. Сепира, но с некоторыми изменениями. Вместо интуитивных определений Э. Сепира, опирающихся на общие впечатления, делается попытка охарактеризовать каждый признак, используемый в его классификации, через отношение двух единиц. Каждая единица получает достаточно точное определение посредством исчисления числового индекса, основанного на относительной частотности этих двух единиц в отрезках текста.

Квантитативный метод основывается на анализе существующих в тексте отношений между единицами. Каждый типологический индекс (всего их в его работе 10) определяется на основе относительной частотности сопоставляемых единиц объемом в 100 слов. В общей сложности были охарактеризованы следующие типологические индексы:

1) M/W – индекс синтеза. **Степень синтеза или общая сложность слова.** Например, англ. *sing-ing* «пение» содержит две морфемы, но образует одно слово. Отношение M/W , где M – число морфем, а W – число слов (ср. англ. *word* «слово»), является мерой синтеза и и называется индексом синтетичности. Низшим пределом его является 1,00, поскольку каждое слово должно содержать по крайней мере одну значимую единицу. Высший предел теоретически отсутствует, но на практике величины выше 3,00 встречаются редко. Показатели этого индекса для аналитических языков будут низкими, для синтетических – более высокими, а для полисинтетических – самыми высокими].

2) A/J – индекс агглютинации. **Способ связи.** На одном полюсе здесь находятся языки, в которых значимые элементы,

соединяясь, не изменяются совсем или изменяются незначительно. Таково классическое определение агглютинации. Индекс агглютинации - это отношение числа агглютинативных конструкций к числу морфных швов. Число морфных швов в слове всегда на единицу меньше, чем число морф. Так, в *leaves* две морфы, но только один морфный шов. Индекс агглютинации – A/J , где A равно числу агглютинативных конструкций, а J – числу швов между морфемами (англ. *junction* «стык, шов»). Язык с высоким индексом агглютинации является агглютинирующим, а язык, имеющий малый по величине индекс – фузионным. Чем ниже первый индекс (индекс синтетичности), тем меньше фиксируется границ между морфами и тем менее важен для характеристики языка второй индекс – индекс агглютинации. Если язык достигает теоретически низшего предела в синтетическом индексе (1,00), исчисление второго индекса становится невозможным, поскольку это означает, что никаких границ между морфемами вообще нет. Иными словами, индекс агглютинации становится равным O/O , что бессмысленно. При исчислении индекса агглютинации не принимались во внимание различия между степенью агглютинации, которые можно обнаружить в конструкциях, включающих понятия групп II, III и IV у Сепира, и которые фигурируют в окончательной формулировке его классификации].

Дж. Гринберга подробно характеризует и последующие параметры: 3) R/W – индекс словосложения; 4) D/W – индекс деривации; 5) I/W – индекс преобладающего словоизменения; 6) P/W – индекс префиксации; 7) S/W – индекс суффиксации; 8) O/N – индекс изоляции; 9) P_i/N - индекс словоизменения в чистом виде; 10) Co/N – индекс согласования. [Он отмечает, что «третий параметр соответствует наиболее точно тому, что для Сепира было центральным признаком при классификации языков, – это наличие или отсутствие **деривационных и конкретно-реляционных понятий**. Мы исходим из возможности исчерпывающего деления морфем на три класса – корневые, деривационные и словоизменительные. Каждое слово должно содержать, по крайней мере, одну корневую морфему,

и многие слова во многих языках больше ничего и не содержат. Наличие в слове более чем одной корневой морфемы называется **словосложением** (compounding). Указанное явление можно легко измерить при помощи **структурного индекса** (compositional index) R/W , где R равно числу корневых морфем (ср. англ. root «корень»), а W равно числу слов. Второй класс морфем – деривационные морфемы. Примерами деривационных морфем в английском языке могут служить re- в re-make «переделать», -ess в lion-ess «львица», -er в lead-er «предводитель». **Деривационный индекс** D/W – отношение числа деривационных морфем (англ. derivational «словообразовательный, деривационный») к числу слов. Языки с высоким D/W принадлежат к сложным, или деривационным.

Словоизменительные морфемы образуют третий класс. Примеры из английского языка: -s в eats «ест» и -es в houses «дома». **Словоизменительный индекс** I/W есть отношение числа словоизменительных морфем (англ. inflectional «словоизменительный») к числу слов. Смешанно-реляционные типы обязательно характеризуется довольно высокой величиной индекса словоизменения; обратное отношение верно не всегда.

Четвертый параметр связан с **порядком следования подчиненных элементов по отношению к корню**. Основным различием здесь является различие между использованием префиксов и суффиксов. **Префиксальный индекс** P/W представляет собой отношение числа префиксов к числу слов, а **суффиксальный индекс** S/W – отношение числа суффиксов к числу слов.

Последний параметр имеет дело со способами, используемыми в различных языках для установления связи между словами, вводящий критерии как синтаксического, так и морфологического порядка. Существуют три способа, которые языки могут использовать, – **словоизменение без согласования, значимый порядок слов и согласование**.

Языки, применяющие первые два способа, принадлежат, по классификации Сепира, к чисто-реляционной категории,

в то время как языки, применяющие согласование, являются смешанно-реляционными (Гринберг, 1963:60-94).

Анализ полученной кривой частотности дистрибуции соответствующих элементов позволяет сделать вывод о типологической характеристике того или иного языка. В дальнейшем квантитативный подход Дж.Х. Гринберг реализовал применительно к языковым универсалиям («Language Universals», 1966). Внедрение точных методов в лингвистические исследования в вычислении степени того или иного качества языковой структуры, проявляющегося в синтагматике, нашло самое широкое применение.

Рекомендуемая литература: Углонова И.А. Об «эффekte частоты» в типологических исследованиях и теории языковы универсалий // Филологические заметки. Пермь, 2009. Вып. 7. URL: <http://www.philology.ru>; Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков // Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963. С. 60–94. URL: <http://www.philology.ru>.

§ 7. МЕТОДЫ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В XX в. широкое распространение получают синтаксические, фонетические типологии, но они распространены меньше. Начиная с конца 50-х гг. XX в., разработка типологической классификации языков идет в целом по следующим направлениям: 1) уточнение и экспликация критериев в традиционной типологической морфологической классификации; выяснение их действительной взаимосвязи (гипотеза Б.А. Серебренникова о причинах устойчивости агглютинативного строя; работы С.Е. Яхонтова по формализации и уточнению понятий традиционной типологии; проблемы соотношения изоляции и агглютинации у Н.В. Солнцевой; агглютинации и флексии – у В.М. Алпатов и др.); 2) разработка универсального грамматического метаязыка, с помощью которого достигается экспликация типологических свойств любого языкового материала («структурная типология» в 50-60-е гг. XX в., характерно сближение к теории универсалий и характерологии (В. Скаличка,

Б.А. Успенский, А. Мартине, Т. Милевский). 3) разработка синтаксической типологии (тип нейтрального словопорядка (Дж. Гринберг, У.Ф. Леманн); тип предикативной конструкции – номинативные (аккузативные), эргативные, активные языки; по иерархии синтаксических свойств актантов – языки с подлежащим, языки без подлежащего, или ролевые (А.Е. Кибрик, Р. Ван Валин и Дж.Э. Фоли, Ч. Филмор); топиковые языки, т. е. такие, в которых грамматический приоритет имеет не подлежащее, а тема (Ч. Н. Ли и С. Томпсон); языки с маркированием синтаксических связей в вершинном, либо зависимом члене (Дж. Николс); 4) разработка цельносистемных типологий на основе какой-либо одной черты языковой структуры, которая признается ведущей (работы советских типологов 20–40-х гг.; содержательно-ориентированная типология в работах И.И. Мещанинова и Г.А. Климова); определение «структурной доминанты», т. е. типологически релевантных признаков языков вокруг одного признака. (Например, противопоставление субъекта – объекта в номинативных языках, агентива – фактитива в эргативных, активности – инактивности в активных языках). Новые тенденции в лингвистической типологии направлены в сторону содержательно-ориентированной типологии (ср. типологию понятийной доминанции А. Кейпелла). Развитие идеи комбинирования свойств в определении типологии языков выделилось в особую ветвь общей типологии – характерологию (Пражская лингвистическая школа). «Внутренний» типа языка характерология определяет по существенным признакам языковой структуры. Близкие по характеру грамматических отношений, языки объединяются в группы по доминирующему в них признаку («пучки признаков»). (ср. флективные и агглютинативные языки по В. Скаличке).

В зависимости от направлений объекта лингвистических исследований используются различные методы. В лингвистической типологии методы содержательно ориентированы.

7.1. Методы сравнения

Основу *сравнительно-исторического метода* составляет учение о генетическом родстве языков в звуковой форме, закономерных изменениях в фонологической системе, грамматическом строе и лексическом составе. Его сущность составляет совокупность приемов и процедур историко-генетического исследования языковых семей и групп. А отдельные языки используются в сравнительно-историческом языкознании для установления исторических закономерностей развития языков. С его помощью прослеживается диахроническая эволюция генетически близких языков на основе доказательства общности их происхождения. Основной целью этого метода является воссоздание модели праязыковых состояний

Сущность *сопоставительного метода* заключается в отыскании и определении явлений и фактов ряда языков, имеющих тождественные функции вне зависимости от генетического родства. С помощью этого метода исследуется и описывается язык через его системное сравнение с другим языком с целью прояснения его специфичности (системной идиоматичности) в синхронии. Он направлен в первую очередь на выявление различий между двумя сравниваемыми языками и поэтому называется также контрастивным, лежит в основе контрастивной лингвистики. Сопоставление как разновидность сравнительного изучения языков отличается от других видов лингвистических сравнений, хотя в целом сопоставительный метод смыкается с общими принципами типологии, будучи применимым к языкам, независимо от их генетических отношений. В сущности он отличается от общетипологических и характерологических подходов не спецификой приемов, а задачами исследования.

Сопоставительно-типологический метод – выявление суммы сходных и различных черт языков, характеризующих их системы, т. е. сопоставление изоморфных и алломорфных черт целых систем, подсистем и микросистем исследуемых языков.

Эти методы отличаются от других методов. Так, например, *метод корреляции* (Р. Якобсон) дает возможность выбора типологических констант по признаку твердости-мягкости и полифонии, что дало возможность А.В. Исаченко выделить четыре типологические группы в составе славянских групп. *Метод детерминанты* (Г. К. Мельников) используется для определения универсалий различных уровней и имеет большое значение для методики типологических исследований.

Метод типологических индексов (квантитативный), (Дж. Гринберг) содержащий такие параметры, как синтез, способы связи, распространенность словообразовательных словоизменительных морфем. Характер следования аффиксов корню внедрили в лингвистику точные методы в типологические исследования в вычислении степени того или иного качества языковой структуры на материале более 300 языков.

В типологических исследованиях используются также методы, принятые в других направлениях и разделах языкознания. В направлениях лингвистической типологии используются также такие методы, как: дистрибутивный анализ, компонентный анализ, метод непосредственно составляющих (для автоматического перевода), трансформационный метод (разработка формальных моделей языка привела к математической лингвистике), коммуникационный метод и другие частные методики.

7.2. Дистрибутивный анализ

Дистрибутивный анализ (*лат.* *distribuere* – распределять, разделять). Это метод исследования языка, основанный на изучении окружения (дистрибуции, распределения) отдельных единиц в тексте и не использующий сведений о полном лексическом или грамматическом значении этих единиц (Л. Блумфилд, З. Харрис и др. представители дескриптивной лингвистики; Ш. Балли, О. Есперсен, Л.В. Щерба и др.). Лингвистическое описание мыслится как результат применения к текстам конкретного языка упорядоченного набора универ-

сальных процедур, которые должны автоматически приводить к открытию структуры этого языка.

Дистрибутивный анализ имеет свои ступени анализа: сначала текст делится (сегментируется) на элементарные текстовые единицы – фонемы (отдельные звуки) и морфы (минимальные последовательности фонем, имеющие значение). Следующей ступенью является идентификация – объединение множества текстовых единиц в одну единицу языка (фонему или морфему). Две текстовые единицы принадлежат одной и той же единице языка, если они находятся в дополнительном распределении, т. е. никогда не встречаются в одних и тех же окружениях (таковы, например, закрытый и открытый варианты фонемы /e/ в словах «семь» и «шест»), или в свободном чередовании, т. е. встречаются в одних и тех же окружениях без различия в значениях (таковы окончания тв. п. -ей и -ею в словоформах типа «землей» – «землею»). Две текстовые единицы принадлежат разным единицам языка, если они находятся в контрастном распределении, т. е. встречаются в одних и тех же окружениях, но с различием в значении (таковы звуки [т] и [д] в словах «том» и «дом»).

Выделенные языковые единицы объединяются в классы с помощью экспериментальной техники субституции (замещения). Разные языковые единицы относятся к одному и тому же классу, если они способны замещать друг друга в одних и тех же окружениях. Так, «диагностическим» контекстом для прилагательных русского языка является положение перед словами типа «дом»: ср. «большой (красный, кирпичный, пятый) дом». Возможность замещения прилагательного в контексте слов типа «очень» дает подкласс качественных прилагательных, ср. «очень большой (красный)», а возможность замещения в контексте слов типа «двадцать» – подкласс порядковых прилагательных, ср. «двадцать первый (пятый)».

Дистрибутивный анализ оказался противоречивым и не решал тех задач, для которых он был предназначен, в связи с чем в советском языкознании он был дополнен другими экспериментальными приемами и числовыми методами обработ-

ки языкового материала. Общие основания этого метода были уточнены на базе теории множеств, результатом чего явилась теоретико-множественная концепция языка для исследования всех уровней языка, включая синтаксис и семантику (см. в: ЛЭС, 137).

7.3. Компонентного анализа метод

Компонентного анализа метод – метод исследования содержательной стороны значимых единиц языка, имеющий целью разложение значения на минимальные семантические составляющие.

Вначале использовался для исследования лексики как техника описания узкого круга лексических единиц (терминов родства) в разных языках (50-е гг. XX в.). Он основан на гипотезе о том, что значение каждой единицы языка состоит из семантических компонентов (сем) и что словарный состав языка может быть описан с помощью ограниченного и сравнительно небольшого числа семантических знаков. Метод тесно связан с *теорией поля* и может рассматриваться как расширение и углубление ее теоретических и инструментально-методической базы. Этот метод обнаруживает связь с идеями Р.О. Якобсона, Л. Ельмслева и др., считавших возможным перенесение принципов фонологии Н.С. Трубецкого в грамматику и семантику.

Семантическое поле определяется как ряд парадигматически связанных слов или их отдельных значений, имеющих в своем составе общий (интегральный) семантический признак и различающихся, по крайней мере, по одному дифференциальному признаку. Общие и дифференциальные признаки слова, образуют определенные иерархические структуры [Ср. интегральный признак «родство» и дифференциальные признаки «пол», «поколение», «степень родства» в семантическом поле родства].

Один и тот же семантический признак в разных семантических полях может иметь разный иерархический статус (от компонента дифференциального признака до категориального, существенного для всей системы языка в целом), как, на-

пример, сема «пол», входящая в значения слов с признаком одушевленности. Предполагается, что наиболее общие категориальные семантические признаки имеют универсальную значимость и могут быть представлены (по-разному) во многих или во всех языках. Характер компонентного состава лексического значения зависит от степени конкретности (абстрактности) выражаемого данным словом понятия. При компонентном описании предметно ориентированных слов (денотативов типа «слон», «грач», «сосна») значительно повышается роль индивидуальных (уникальных) признаков, характеризующих только данное слово (ср. сему «наличие хобота» у слова «слон»), а также возрастает вероятность совпадения содержания семантического признака слова и признака предмета, обозначенного данным словом. На этом основании некоторые ученые относят компонентный анализ денотативов к области внеязыковой семантики (Ж. Мунен).

Применение компонентного анализа в синтагматике выявил закономерности функционирования слов в речи: правила селекционных ограничений (Дж. Кац, Дж. Фодор), правила сложения лексических значений (Ю.Д. Апресян), правила семантического согласования (В.Г. Гак). В 70–80-х гг. XX в. он стал применяться также в грамматике, особенно в морфологии (Е.В. Гулыга, Е.И. Шендельс). В советском языкознании используется компонентный анализ простых и сложных предложений (работы О.И. Москальской, В.А. Белошапковой, Гака, Е.М. Вольф). Разрабатываются также новые приемы и методы выявления семантических признаков, устанавливаются типы их взаимосвязи: методы лингвистического эксперимента (идеи Л.В. Щербы и А.М. Пешковского); методы оппозиции и комбинаторики (Т.П. Ломтев); анкетирование и опрос информантов (О.Н. Селиверстова); компонентный синтез (А. М. Кузнецов); варьирование синтагматической сочетаемости слов (Ю.Д. Апресян); метод словарных дефиниций (Ю.Н. Караулов); психолингвистические экспериментальные приемы исследования (см. ЛЭС, 1999).

7.4. Непосредственно составляющих метод

Непосредственно составляющих метод (для автоматического перевода) – метод представления словообразовательной структуры слова и синтаксической структуры словосочетания или предложения в виде иерархии вложенных друг в друга элементов (Л. Блумфилд, Ф. де Соссюр, Р. Уэллс, 3.3. Харрис, Ч.Ф. Хоккет). В европейской и советской традициях к этому методу близок способ представления синтаксической структуры предложения с помощью *деревьев зависимостей*.

Непосредственно составляющих метод основан на допущении, что всякая сложная единица языка или текста складывается из двух более простых и линейно не пересекающихся единиц – ее непосредственно составляющих (НС). НС могут дробиться на еще более мелкие НС, вплоть до элементарных (неделимых). Границы между НС всегда проводятся так, чтобы получающиеся части были максимально независимы друг от друга, т. е. способны к самостоятельному употреблению и вне данной конструкции. Например, правильное членение на НС слова «исподнизу» - (испод-) (-низу) с дальнейшим ((не-) (-под-)) ((-низ-) (-у), а не (ис-) (-поднизу) или (исподниз-) (-у), поскольку части «поднизу» и «исподниз» как самостоятельные единицы языка не существуют. При членении на НС словосочетания или предложения применяется еще один принцип: одна из НС должна быть ядром членимой конструкции (представлять всю конструкцию в ее внешних синтаксических связях), а другая – маргинальным элементом. В именной группе «мой брат» ядром является существительное, маргинальным элементом – определение; в глагольной группе «написать статью» ядро – глагол, а маргинальный элемент – именная группа. В соответствии с обоими указанными принципами предложение «Мой брат за день написал большую статью» членился на НС (с упрощениями) следующим образом (в скобки заключаются маргинальные элементы): ((Мой) брат) (за (день)) написал ((большую) статью). Содержательно это членение соответствует разбиению основного состава предложения на группу

подлежащего и группу сказуемого, с выделением в последней группы обстоятельства (за день) и остающейся части глагольной группы (написал большую статью).

С точки зрения непосредственно составляющих метода оказываются неразличимыми многие конструкции с явно различной синтаксической структурой, например, субъектные конструкции типа «развитие событий» и объектные конструкции типа «изучение событий». Тем не менее разработанный в рамках этого метода способ представления синтаксической структуры предложения в виде иерархии НС, благодаря своей относительно легкой формализуемости, оказался жизнеспособным и был освоен и развит в формальных моделях языка (Н. Хомский, В. Ингве, И. Бар-Хиллел). А.В. Гладкий предложил комбинировать структуры составляющих со структурами зависимостей. В 60-х гг. этот способ стал применяться в **системах автоматического перевода** для синтаксического анализа и синтеза предложений в плане свертывания и развертывания по НС (Е.В. Падучева, Ю.Д. Апресян, О.С. Кулагина, А.В. Гладкий, R. Pittman).

7.5. Трансформационный метод

Трансформационный метод – метод представления синтаксической структуры предложения, основанный на выведении сложных синтаксических структур из более простых с помощью небольшого набора правил преобразования (трансформаций). Разработка формальных моделей языка привела к появлению **математической лингвистики**. Основные принципы трансформационного метода сформулированы З. Харрисом в начале 50-х гг. XX в. В европейской лингвистической традиции аналогом трансформационного метода является *концепция синтаксической (функциональной) транспозиции* (Ш. Балли, О. Есперсен, А. Фрей, Л. Теньер, Е. Курилович).

В основе трансформационного метода лежат следующие допущения: 1) синтаксическая система языка может быть разбита на ряд подсистем, из которых одна является **ядерной**, или исходной, а все остальные – ее производными. Ядерная

подсистема – это набор типов элементарных предложений, т. е. простых утвердительных предложений с глаголом в изъявительном наклонении активного залога настоящего времени, не содержащих модальных слов, однородных членов, определений, обстоятельств, инфинитивов, причастий, деепричастий и т. п.; 2) каждое ядерное предложение описывает элементарную ситуацию, а тип ядерных предложений – класс элементарных ситуаций; 3) любой сложный синтаксический тип получается из одного или нескольких ядерных предложений, применением к ним упорядоченного набора обязательных и факультативных трансформаций. Трансформации либо вообще не меняют содержания ядерных предложений, либо меняют его незначительно и строго определенным образом, т. к. они сохраняют неизменным лексический состав ядерного предложения и синтаксические отношения между лексемами. Число трансформаций невелико, а разнообразие синтаксических типов получается за счет различных комбинаций трансформаций, применяемых к различным наборам ядерных типов.

Мысль, что в основе многообразия синтаксических типов в естественных языках лежит относительно простая система ядерных типов, преобразуемых с помощью небольшого числа трансформационных правил, послужила отправной точкой для развитой Н. Хомским концепции *порождающей грамматики* (*генеративная лингвистика*). Трансформационная порождающая грамматика дала импульс исследованиям в области порождающей семантики, «интерпретирующей семантики», падежной грамматики и разработкам формальных моделей языка (см. ЛЭС, 1999).

§ 8. МЕСТО НЕМЕЦКОГО, АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ В МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ (ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ) КЛАССИФИКАЦИИ ЯЗЫКОВ МИРА

В системной классификации современные германские языки располагаются по степени изоляции: исландский – немец-

кий – нидерландский–фризский –шведский – норвежский – датский – английский– африканс. Далеко друг от друга отстоят в своем развитии генетически односистемные, близкородственные немецкий и английский языки.

Русский и немецкий языки относятся к флективным языкам, поскольку флексия в них является основным средством выражения грамматических отношений. Но они в то же время политипологичные языки, так как содержат некоторые признаки языков других типов. Так, например, отдельные флексии имеют характер агглютинативных аффиксов. В немецком языке это суффикс претерита -te (machte); в русском – суффикс, обозначающий второе лицо множественного числа императива -те (пишите, читайте). Аналогичный характер имеет и суффикс -л в прошедшем времени глаголов в русском языке.

Некоторые из типов сложных слов в немецком языке напоминают инкорпорирующие комплексы: Handwerker, Schreibtisch. В русском языке это, например, рукоприкладство, водоворот. В английском словосочетание the kind old man's answer также представляет собой инкорпорирующий комплекс, как и итальянское сложное слово *ésciuggamano* – полотенце (буквально: вытрите – *asciugga* + рука - *mano*).

В языках можно наблюдать некоторые черты и других морфологических типов. Например, черты изолированности проявляются в немецком, в словосочетаниях: *sehr schön, schon gut*. В русском языке по такой модели могут быть построены не только словосочетания, но и предложения: рано вечером; здесь очень тепло.

Немецкий и русский языки являются языками флективными. В этих языках флексия – ведущий способ оформления слова. Однако сходство здесь относительное, так как в немецком языке флективная система беднее, чем в русском. Сопутствующими способами оформления слова (в небольшом объеме) являются в обоих языках инкорпорация, агглютинация и изолирование. Классификация А. фон Шлейхера показывает различие между немецким и английским языками. Согласно его классификации, немецкий и русский языки (как языки ин-

доевропейские) относятся к одному типу – флективным языкам, а именно, к синтетическому типу, его второму подтипу.

Английский язык в этой классификации также относится к флективным языкам, но к их аналитическому подтипу, что можно рассматривать в некотором роде и как переходный тип, если проводить параллели с морфологической типологической классификацией В. фон Гумбольдта.

Промежуточное положение английского языка между традиционным флективным типом и изолирующим подтверждается тем, что в нем слабо представлено согласование, для него характерен твердый порядок слов, ему свойственна краткость слова – все это признаки изолирующих языков. [В отношении последнего признака (краткости слов) Ш. Балли отмечал, что английский язык, подобно китайскому, решительно склоняется в пользу односложных слов. Но этой тенденции противостоит заимствование этим языком многосложных слов из латинского и французского языков].

Рекомендуемая литература: *Виноградов В.А.* Методы типологии // *Общее языкознание. Методы лингвистических исследований.* М.: Наука, 1973. Гл. V, с. 224–253; *Гринберг Д.Ж.* Квантитативный подход к морфологической классификации языков // *Новое в лингвистике*, вып. III. М., 1963; *Кузнецов А.М.* О применении метода компонентного анализа в лексике, в кн.: *Синхронно-сопоставительный анализ языков разных систем*, М., 1971; *Селиверстова О.Н.*, Компонентный анализ многозначных слов, М., 1975; *Гулыга Е.В., Шенлельс Е.И.* О компонентном анализе значимых единиц языка, в кн.: *Принципы и методы семантических исследований*, М., 1976; *Трансформационный метод в структурной лингвистике*, М., 1964; ЛЭС.

Раздел 2. УНИВЕРСАЛИИ

Разработка типологии языков тесно связана с проблемой выделения универсалий. Универсалии и типологические исследования языков взаимосвязаны. После работ Б.А. Успенского «Структурная типология языков» (1965), где обосновывается необходимость выявления общих черт языков для их успешного типологического изучения, и выхода «Меморандума о языковых универсалиях» Дж. Гринберга, Ч. Остуда, Дж. Дженкинса (1966) тема универсалий вошла в обиход мировой науки. В «Меморандуме» говорится, что языковые универсалии по своей природе являются обобщенными высказываниями о тех свойствах и тенденциях, которые присущи любому языку и разделяются всеми говорящими на этом языке. Поэтому они составляют самые общие законы лингвистики.

Фундаментальными и классическими работами по разработке общей типологии языков и их универсальных черт считаются «Структурная типология языков» Б.А. Успенского (1965), «Типология языка и речевое мышление» С.Д. Кацнельсона (1972), «Типология слова» Ю.В. Рождественского (1969), «Типология языков активного строя» Г.А. Климова (1977), «Классификация языков» Э. Бенвениста (1965), «Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание» Р. Якобсона (1963), «Лингвистическая типология» Ч. Базелла (1958, 1972), «Предпосылки типологического языкознания» Т. Милевского (1963), «Относительная анализируемость морфологических данных» П. Гарвина (1972).

В «Меморандуме» дается классификация универсалий с точки зрения их логической структуры (неограниченные универсалии, импликационные универсалии, статистические универсалии, а также классификация универсалий с точки зрения их содержания (фонологические, грамматические, се-

мантические, символические). За бесконечным разнообразием языков мира скрываются общие для всех них свойства. При всем безграничном несходстве оказывается, что языки созданы как бы по единому образцу.

§ 9. КЛАССИФИКАЦИИ УНИВЕРСАЛИЙ

Универсалии (от *лат.* *universalis* – общий, всеобщий) языковые свойства, присущие всем языкам или большинству из них: вокально-слуховой канал; содержательные категории, такие как отношения между субъектом и предметом, категория оценки, определенности/неопределенности, множественности, тема – рема; общие свойства самих языковых структур на фонологическом, лексико-семантическом, грамматическом уровнях.

Существуют универсальные грамматики («всеобщие», «общие», «рациональные», «философские», «аналитические» грамматики) – грамматики, в которых грамматические категории объясняются через категории мышления. «Grammaire generale et raisonnee de Port-Royal» («Всеобщая и рациональная грамматика Пор-Рояля») А. Арно и К. Лансло (1660 г.). Основным методическим подходом к анализу фактов языка с позиций философского осмысления основных грамматических категорий и понятий является «рациональный» подход к изучению языка, базирующегося на «анализе мысли» с позиций способностей разума. [В XVIII в. представителями этого направления во Франции были С.Ш. Дюмарсе (1769), Н. Бозе (1767), Э. Б. де Кондильяк (1775), в Англии Дж. Харрис (“Hermes or a philosophical inquiry concerning language and universal grammar”, 1751), Дж. Битти (“The theory of language”, 1788), Дж. Пристли].

В настоящее время проблема универсалий языка соотносится одновременно с проблемой типологии языков. Все больше аргументов в пользу точки зрения, согласно которой универсалии принадлежат к сущностной характеристике языка. Следовательно, лингвистика универсалий ставит своей целью выявление тех признаков языка, которые характеризуют любой язык и приобщают каждый конкретный язык к языку человека вообще.

Языковая универсалия – это некоторый признак или свойство, присущее всем языкам или языку в целом. По характеру языковые универсалии могут быть фонетическими, грамматическими, лексическими.

К фонетическим универсалиям можно отнести наличие гласных и согласных; к лексическим универсалиям – наличие корневых и производных слов; к грамматическим универсалиям – наличие местоимений первого и второго лица, наличие настоящего времени глагола, наличие предложений и словосочетаний.

Универсалии классифицируются на: 1) универсальные признаки, характерные для языка как естественного средства коммуникации человека и определяющие сущностные черты языка в ряду возможных коммуникативных систем. Это: линейность, дискретность звукового знака, двуплановость языкового знака. Эти универсалии отличают язык как коммуникативную систему от таких коммуникативных систем, как, например, пиктография, азбука Морзе и т.п. 2) Универсалиями другого рода являются такие свойства языка, которые характеризуют универсальные качества, характерные для элементов языка. К ним могут быть отнесены категориальные признаки из области фонетики, лексики, грамматики, категории класса слов, категория времени, модальности, числа, синонимия, омонимия и полисемия языковых средств и форм.

К языковым универсалиям академик И.И. Мещанинов относил и так называемые **понятийные категории**. Понятийными категориями как языковыми универсалиями занимается также А.В. Бондарко и его последователи. Понятийные категории – это категории, существующие в сознании, в мышлении человека, а поскольку язык оформляет не только внешнюю речь, но и внутреннюю, то такие категории относятся к языковым универсалиям. К универсалиям системы и структуры языка, например, относятся субъект и предикат в мысли. Понятия субъекта и предиката всегда осознаются человеком, говорящим на любом языке, лишь их конкретное языковое выражение является различным, поэтому такие понятийные

категории, как субъект и предикат и относятся к языковым универсалиям (см. работы И. И. Мешанинова, В.Г. Панфилова, А.Л. Пумпянского и др.).

Понятийные категории, т. е. семантические универсалии послужили толчком к зарождению новой отрасли общей типологии – семантической типологии, в отличие от структурной типологии.

Существуют абсолютные и частичные универсалии, или статистические универсалии (В.Д. Аракин, Р. Якобсон, Дж. Гринберг, Ч. Осгуд). Абсолютные универсалии – признаки, свойственные всем языкам, например, система гласных и согласных, категория числа, личные местоимения первого и второго лица, категория класса слов, предложения и словосочетания, синонимия, полисемия, омонимия.

К статистическим универсалиям относят, например, единственное и множественное число (в некоторых языках Полинезии, суахили, и языках американских индейцев существует двойственное, тройственное число), грамматическую категорию рода (она свойственна многим индоевропейским, но не свойственна, например, тюркским и угро-финским языкам), долготу и краткость гласных.

Постпозитивный артикль представлен в языках, распространенных на Балканском полуострове, следовательно, это ареальная универсалия.

В контрастивной лингвистике, при сравнении двух, трех языков речь может идти об универсальных элементах, например, четыре падежа в системе имени существительного немецкого и русского языков – универсальные элементы этих языков. Категории лица, числа, времени, наклонения, залога немецкого и русского глаголов – тоже универсальные элементы этих языков.

Теория универсалий имеет большое значение для типологии, так как дает основание к созданию наиболее полной типологической структуры как каждого языка в отдельности, так и языкового типа в целом.

9.1. Грамматические универсалии

В любом языке существует грамматическая система, и грамматическая структура является иерархической. Существуют различные грамматические универсалии:

- Любой человеческий язык содержит инвентарь единиц, которые меняют свои денотаты в зависимости от элементарных признаков речевой ситуации (личные местоимения, указательные местоимения, местоименные наречия).
- В любом человеческом языке среди дейктических элементов представлен элемент, обозначающий говорящего, и элемент, обозначающий адресата (первое лицо и второе лицо местоимений единственного числа универсальны).
- Каждый человеческий язык содержит такие элементы, которые, ничего не обозначая, обуславливают различия в обозначаемом тех сложных форм, в состав которых они входят (в качестве маркеров (markers), например, *and*: *Match and book* обозначает нечто отличное и от *match or book*, и от *match book*, но само *and* ничего не обозначает).
- Каждый человеческий язык имеет имена собственные.
- В каждом человеческом языке имеется по крайней мере два основных уровня грамматической организации. Там, где их ровно два, вполне хороши и традиционные термины «морфология» и «синтаксис». Там, где граница между морфологией и синтаксисом размыта, более пристальный анализ часто вскрывает особый, промежуточный между морфологией и синтаксисом уровень. [Например, в испанском: внутренняя организация *dando, me и lo* – это морфология; участие *dádomelo* в более крупных формах – это синтаксис; структуры объединения *dando, me и lo* в *dádomelo* обычно не относят ни к морфологии, ни к синтаксису.

В описании типа китайского языка невозможно использование дихотомии «морфология – синтаксис», или к более сложной трихотомии. Во многих языках с четкой дихотомией «морфология – синтаксис» фонологическая и грамматическая структуры скоррелированы, то есть грамматические элементы

в основном являются также и различающимися фонологическими единицами. Из этого правила есть, однако, много исключений, так что данное утверждение указывает скорее на морфофонологическую таксономию, чем на универсалии].

- Ни один человеческий язык не имеет грамматически однородного словаря, даже если исключить уже упомянутые три специальные категории элементов (дейктические элементы, маркеры и собственные имена). [Всегда существуют формы, различающиеся степенью употребительности. Поэтому всегда можно говорить с полным основанием о формальных классах слов].
- Основное противопоставление классов форм «имя» – «глагол» является универсальным, хотя не всегда на одном и том же уровне.
- В каждом человеческом языке можно встретить тип предложения двучленной структуры, конstituенты которой именуется «тема» и «рема» («topic» and «comment»). Порядок конstituентов может быть различным. [Для китайского, японского, корейского, английского и многих других языков типично упоминание сначала того, о чем пойдет речь, а затем того, что о нем говорится. В других языках наиболее типичная аранжировка – предшествование ремы или ее части теме. Это обобщение относится, конечно, только к простому предложению. В каждом языке, очевидно, существуют предложения также и иных типов].
- В каждом языке различаются одноместные и двухместные предикаты.

9.2. Семиотические универсалии

Семиотические универсалии обусловлены принадлежностью языка к знаковым системам. К абсолютным универсалиям относят некоторые из них:

Двойное членение текста: минимальные единицы плана выражения и плана содержания не совпадают (членение на фонемы слова *стена*: <с-т-е-н-а> и членение этого же слова на морфемы: *стен-а*).

В каждом языке есть знаки, характеризующиеся первичной мотивированностью означающего: знаки-индексы (междометия); знаки-копии (звукоподражание и их дериваты, имитативы, идеофоны, диаграмматические черты порядка слов и др.).

В каждом языке преобладают знаки, характеризующиеся отсутствием первичной мотивированности (знаки-символы).

Рефлексивность, является предпосылкой метаязыковой функции речи.

Паралингвистические языковые средства, такие как жест, мимика, улыбка, молчание имеются во всех языках, которые имеют свои специфические проявления.

9.3. Языковые и речевые (психолингвистические) универсалии

В плане сосюровской оппозиции «язык – речь», большинство формулируемых универсальных закономерностей относится к языку как инвариантной знаковой структуре. Вместе с тем для понимания глобальных черт языка (как объекта лингвистики) существенны также и универсальные закономерности реализации языка в речи (закономерности речевой деятельности) как в устной, так и в письменной речи. Некоторые из речевых универсалий сформулировал Б.А.Успенский (см. Языковые универсалии 1969, 339–340):

В каждом языке существует инверсия (непрямой порядок слов) как способ логического или эмоционального выделения части содержания.

В речи всегда можно построить общий вопрос без инверсии.

Если есть категория определенности /неопределенности, то возможно использование порядка слов как способа различения «данного» (ближе к началу предложения) и «нового» (ближе к концу).

В речи всегда возможно паратактическое (бессоюзное и /или сочинительное) соединение предложений.

Для разговорной речи (в отличие от кодифицированной письменной речи и официальной устной речи) характерны такие черты:

1. Более быстрый темп.
2. Большая употребительность синтаксических структур, произносимых с повышением интонации.
3. Значительная деформация синтаксических структур.
4. Высокая частотность лексических актуализаторов (*А он что? обещал зайти?; У вас электрички как? всегда с опозданием приходят?*).
5. Устное вербальное общение осуществляется с большим или меньшим использованием паралингвистических средств (жесты, мимика).
6. Распространенность контаминации, самоперебивов, «не достроенных» (в семантико-синтаксическом отношении) высказываний.

Общечеловеческие различия между речью мужчин и женщин (гендерные различия) относятся к психолингвистическим универсалиям. [В первобытной древности в рамках племенных языков существовали групповые варианты (подъязыки) – мужские, женские, а также юношеские и девичьи в период инициации (иногда в значительной мере тайные). Дело в том, что биологические различия людей по полу определяли общественное разделение труда в значительно большей мере, чем в последующей истории человечества. Мужские и женские языки дифференцировались своим словарным составом. Охотничью или строительную лексику лучше знали мужчины, а лексику домоводства – женщины.

С течением времени социальные функции мужчины и женщины медленно, но верно сближались, однако и позже различия между мужской и женской речью во многом сохраняются. Женская речь более консервативна (диалектологи стремятся наблюдать именно речь женщин, особенно изучая синтаксис). В словаре женщин больше эмоционально-оценочных слов, прежде всего уменьшительно-ласкательных, больше

эвфемизмов. Вместе с тем женщины чаще, чем мужчины, выражают эмоции не словом, а интонацией.

Стилистически мужская речь более разнообразна и контрастна, чем женская: некоторые мужчины говорят и пишут предельно книжно – речь женщин не бывает настолько книжной. Однако женская речь не бывает и в такой мере стилистически снижена, так насыщена бранной экспрессией и вульгаризмами, как мужская речь в некоторых социальных слоях общества. Женская речь в целом стилистически более однородна, нейтральна и более нормативна. Женщины более чутки к речевой моде и чаще перенимают престижные варианты; в их речи чаще встречаются гиперкорректные варианты].

К психолингвистическим универсалиям относят и особенности детской речи.

9.4. Фонетико-фонологические универсалии

Фонетико-фонологические универсалии нехарактерны для ряда языков. В большинстве языков Китая и Юго-Восточной Азии основной смысловозначительной единицей является слог, а не фонема, при этом полного аналога фонеме в этих языках (их называют слоговыми), по-видимому, нет. Например, основную единицу китайской фонологии обозначают термином «силлабема» по Е.Д. Поливанову.

Не является универсалией словесное ударение. Нет ударения в палеоазиатских и некоторых тунгусо-маньчжурских языках: здесь общая супрасегментная «окраска» характеризует не отдельный слог, а несколько полнозначных грамматически связанных слов, образующих цельное словосочетание. Во французском языке фиксированное ударение на последнем слоге характеризует не слово, а ритмическую группу (т. е. это не словесное ударение в терминологическом смысле), на что указывал еще Л.В. Щерба.

К некоторым фонетико-фонологическим универсалиям относятся:

- *Количество фонем в языках мира располагается в интервале от 10 до 81. «Фонологический минимум» – 10 фонем –*

отмечен в одном из индейских языков бассейна Амазонки. 81 фонема в одном из говоров абхазского языка. Среднее количество фонем – 40–50 единиц.

- Если имеется одна оппозиция гласных, то это оппозиция по высоте подъема языка (т. е. открытых и закрытых гласных), а не оппозиция по ряду (передних и задних или непередних гласных).
- В большинстве языков имеется оппозиция открытых и закрытых гласных, однако ни один язык не различает более 6 признаков (ступеней) по открытости – закрытости гласных. (Например, в современном немецком таких ступеней 6, в английском и французском по – 4, в русском – 3).
- Количество гласных нижнего подъема не превышает количества гласных среднего и верхнего подъема.
- Консонантный минимум (имеется в каждом языке) составляют согласные 3 классов: 1) взрывные $\langle p \rangle$, $\langle t \rangle$, $\langle k \rangle$; 2) фрикативный $\langle s \rangle$ или $\langle h \rangle$; 3) сонорные: обязательно $\langle j \rangle$, хотя бы один плавный $\langle r \rangle$ или $\langle l \rangle$, хотя бы один носовой $\langle n \rangle$ или $\langle m \rangle$, причем если имеется только один носовой, то это $\langle n \rangle$.
- В каждом языке есть слоги модели СГ, т. е. согласный + гласный (это оптимальная структура слога, с максимальными возможностями опознания и для согласного и для гласного).
- Если в языке есть слоги модели СССГ, то есть и слоги модели ССГ (иначе говоря, слоги с 2 согласными подряд более обычны и часты, чем слоги с 3 согласными) (см. Мечковская, 2009:264–265).

Класс универсальных «точечных» изменений объединяет процессы, и могут быть и одним из проявлений более широких и общих диахронических закономерностей («диахронических констант»). В фонетике – фонологии это всевозможные факты ассимиляции, диссимиляции, палатализации, аккомодации; эпентезы, метатезы, элизии; дифтонгизации гласного, диерезы дифтонга и его монофтонгизации; явления ротацизма, ринезма, йотации, спирантизации, дезаспирации; смещения ударений и т.п.

9.5. Морфологические и синтаксические универсалии

В кругу морфологических универсалий некоторые относятся к закономерностям строения форм и слов; другие – к области грамматической семантики. Морфологические универсалии:

- *Средняя протяженность некорневых морфем не больше, чем корневых.*
- *Корневая морфема не может иметь нулевую форму выражения.*
- *Во всех языках существует распределение лексики по грамматическим разрядам (частям речи). Однако при этом степень определенности, четкости классификации слов по частям речи существенно различна: больше в синтетических языках, меньше в аналитических и особенно изолирующих языках.*
- *Основной оппозицией в грамматической классификации словаря является противопоставление имени и глагола.*
- *В языках мира самой частой из именных категорий является категория числа.*
- *В языках мира самой частой из глагольных категорий является категория времени.*
- *Во всех языках есть местоимения.*
- *Во всех языках с помощью местоимений и / или глагольных форм различаются три грамматических лица: в грамматике любого языка есть элемент, обозначающий говорящего, и элемент, обозначающий слушающего).*
- *У неединственных чисел форм словоизменения меньше, чем у единственного числа; одна из конкретизирующих универсалий: если имеется оппозиция по роду во множественном числе, то эта же оппозиция проводится и в формах единственного числа.*

Помимо анафорической связи (имеющей место во всех языках), отмечают синтаксические универсалии:

1. Во всех языках так или иначе различаются тема и рема сообщения.

2. В каждом языке существует сочинительная связь.

3. В любом языке имеются союзы.

4. В повествовательных предложениях с именным субъектом и именным объектом почти всегда имеет место такой порядок слов, при котором субъект предшествует объекту.

5. В каждом языке существует инверсия (непрямой порядок слов) как способ логического или эмоционального выделения части содержания (из сформулированных Б.А. Успенским универсалий, относящихся к речи).

6. Во всех языках имеются синтаксические конструкции сравнения.

9.6. Лексические и лексико-семантические универсалии

Лексические универсалии касаются свойств слова как единицы языка и словарного состава языков. Лексико-семантические универсалии касаются некоторых черт лексической семантики в языках мира. Говоря об обозначениях и группах обозначений, которые есть во всех языках, то в любом языке имеются слова, которые называют человека (мужчина, женщина, дети, сестра, брат, родители...), названия частей тела, дня и ночи, земли и неба, солнца и луны, воды и огня, важнейших животных и растений, важнейших действий (есть, пить, делать, говорить, спать...), признаков (большой, много, холодный...) и характеристик (хороший, злой...). Но универсальных обозначений во всех языках не имеется. Например, во всех языках есть лексические средства для указания на множественность (неединственность), однако не универсально наличие счетных слов даже в пределах первого десятка. По данным из австралийских языков, не универсальны цветообозначения. Универсально лексическое различие 'темного' и 'светлого'. Однако отдельное слово даже для 'черного' имеется не во всех языках: «ведь если слово используется для описания не только черных, но и коричневых, серых и темно-синих

предметов, оно не значит 'черное' (Вежбицкая 1996, 231; Мечковская, 2009:268–270).

Текстообразующие способности слов определяются для выявления типологических закономерностей, отражающих зависимости между частотой слова в тексте и его номером (рангом) в частотном словаре. В методике определения текстообразующих потенциалов слов наиболее известной является закономерность квантитативной лексикологии – закон Ципфа (по имени Джорджа Ципфа (США, 1902–1950). С учетом ряда корректирующих коэффициентов этот закон иногда называют Закон Эсту-Ципфа-Мандельброта).

Среди лексико-семантических универсалий есть закономерности как диахронического, так и панхронического характера:

1. В любом языке обозначения абстрактных понятий восходят к обозначениям конкретных предметов (русс. степень, ступень и термин ритмики стопа восходят к индоевропейскому *step-/*stob – 'след ноги, шаг'; мука связано с мука).

2. Обозначения эмоций и эмоциональных состояний восходят к обозначениям физических и физиологических ощущений (ср. родство слов в русском языке: горе – горький; грусть–груз, грузный; печаль – печет: тоска –тошно; стыд – стужа и др.)

3. Во многих языках основные обозначения рельефа восходят к обозначениям частей человеческого тела (горный хребет, устье и рукав реки, подошва и подножие горы, Обская губа, жерло вулкана, обочина, Лысая гора, и т.д.).

4. Во всех языках имеет место переносное (метафорическое или метонимическое) употребление значений слов.

5. Во всех языках имеются фразеологические обороты, т. е. относительно воспроизводимые сочетания слов (иногда обладающие чертами идиоматичности), используемые в функции отдельного слова.

6. Всюду есть имена собственные.

7. Универсальное табуирование.

Рекомендуемая литература: *Гринберг Дж., Осгуд Ч., Дженкинс Дж.* Меморандум о языковых универсалиях // Сб.: Новое в

лингвистике, вып. V. М.,1970, с. 31–44; *Гринберг Дж.* Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов // Сб.: Новое в лингвистике, вып. V. М.,1970, с. 114 – 158. Мечковская, 2009:268-270; Проблема универсалий в языке // *Общее языкознание. Внутренняя структура языка.* М., 1972, гл. IX. С. 545–561; *Щедровицкий Г.П.* Методологический смысл проблемы лингвистических универсалий // *Языковые универсалии и лингвистическая типология.* Москва: Наука [Электронный ресурс]: URL:<http://www.fondgp.ru/gp/biblio/rus/65/>; *Сенур Эдуард.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. Москва: Прогресс,1993; *Языковые универсалии и лингвистическая типология,* М.. 1969;

Раздел 3. ТИПОЛОГИЯ ФОНЕТИКИ

§ 10. ФОНЕТИКО-ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ

Фонетико-фонологическая и просодическая типология возникла в XX в. Ее пионерами стали ученые Пражского лингвистического кружка. [В 1922 г. Б. Гавранек опубликовал «О фонологической географии» (1922). В 1935 г.

В. Скаличка сопоставил чешскую и венгерскую фонологические системы (1967)]. Благодаря достижениям структурной фонологии (работы Н.С.Трубецкого о базовых вокалических систем и анализ основных тенденций построения консонантных систем в работе «Основы фонологии», 1960), типологические исследования звуковой организации языков развивались быстро и успешно. Концепцию Трубецкого дополняют идеи его ученика и соратника по Пражской лингвистической школе Р.О. Якобсона (Jakobson, 1962). Э. Сепир разработал глоттализацию сонорных (Сепир, 1993). К. Пайк – классификацию тональных систем в языках мира (Pike, 1948). Дж. Гринберг – закономерности в области глоттализированных согласных (Greenberg, 1970). В развитие фонологической типологии внесли большой вклад советские ученые Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов (1984), которые показали, как типологические построения влияют на реконструкцию языковых прасистем (на примере новой интерпретации индоевропейских смычных). Т.М. Николаева (1996), успешно разработала славянскую просодическую фонологию. В.Б. Касевич (1983) детально исследовал типологические особенности моносиллабических языков Юго-Восточной Азии. Типологические черты фонетико-фонологических систем немецкого и кыргызского языков исследованы с позиций современной лингвистической типологии (Гулеева, 2010).

Для типологических исследований в области фонетико-фонологической типологии важны компьютерные базы данных более тысячи языков, представляющие все языковые группы мира [*База данных сегментных фонологических инвентарей (Калифорнийский университет Лос-Анджелеса (UCLA, 1981))*].

В типологической фонологии исследуются классификации фонологических систем, их типологические характеристики, различение систем, в которых число гласных превышает их среднее (по языкам мира) количество, и систем, в которых число согласных превышает средние показатели.

В силу артикуляционно-физиологических причин, в языках мира гласных звукотипов в целом меньше, чем согласных. Поэтому даже в максимально вокалических языках количество гласных редко превышает 50 % от общего числа фонем, в то время как количество согласных в консонантных языках может достигать 98 % всего фонемного инвентаря.

Языки делятся на **вокалические** и **консонантные**. К вокалическим языкам относятся английский, немецкий, французский (имеет самый ослабленный консонантизм). Предельно вокалическим языком является датский язык, в котором гласных (включая дифтонги) больше, чем согласных (23 гласных при 20 согласных, т. е. 53,5 % от общего количества фонем).

В класс консонантных языков входит большинство славянских языков, арабский язык, иврит, персидский, почти все иберийско-кавказские языки, «атлантическая» группа индейских языков (языки коренного населения Северной Америки) и др. Самые консонантные из славянских языков – польский (согласные составляют 87 % фонем) и русский (82 %) (по данным Исаченко (1963:115)).

Радикально вокалические славянские языки – это словенский, сербский, хорватский и кашубский (гласные составляют около 50 % от общего числа фонем) (Мечковская, 2009:53).

В типологии вокалических систем принято разделение на очень редкие **линейные** (абхазский, аранда), **прямоугольные** и **треугольные системы**.

В треугольных системах (характерных, например, для большинства европейских языков или языков банту) важнейшим парадигматическим отношением является оппозиция по подъёму, гласные фонемы сосредоточены в «крайних точках» вокалического треугольника (редки гласные центрального ряда).

В прямоугольных системах (зачастую связанных с развитием гармонии гласных) весьма существенной является оппозиция ряда, но и подъёма, для таких языков весьма характерны чередования, связанные именно с рядом (как, например, тюркская гармония гласных)].

10.1. Тонические и атональные языки

Просодия слова определяется ударением, а просодия предложения (высказывания, фразы) – интонацией. Словесное ударение организует слоги в единое произносительное целое, выступая при этом как своего рода произносительная кульминация слова. В зависимости от фонетической природы различают три вида словесного ударения.

При тоническом ударении (варианты термина: музыкальное, мелодическое ударение; в некоторых лингвистических традициях его называют также хроматическим, т. е. «цветным» ударный звук выделяется (по сравнению с неударным) повышением или понижением тона, т. е. основной высоты в звучании данного гласного.

Тонические языки (т. е. языки с тоническим ударением) довольно многочисленны: это, во-первых, **все** слоговые языки (т. е. языки, где в качестве минимальной смысловозначительной единицы выступает слог, а не фонема). Во-вторых, к ним относятся и многие неслоговые языки: древнегреческий, старославянский, балтийские (литовский, латышский), сербский, хорватский, скандинавские (шведский, норвежский и отчасти датский) и др.

При **динамическом** ударении (варианты термина: выдыхательное, экспираторное, силовое ударение) ударный звук выделяется (по сравнению с неударным) большим напором

выдыхаемой воздушной струи и большей мускульной напряженностью в артикуляции ударного слога.

К **атоническим** языкам (т. е. языкам с динамическим ударением) относятся романские языки, английский, немецкий, большинство славянских (исключая сербский, хорватский и отчасти словенский, в котором музыкальное ударение сохраняется в некоторых диалектах и принимается современной кодификацией как благородное архаическое произношение).

Для истории языков Европы и Евразии характерен переход от музыкального ударения к динамическому (Р. Якобсон). В древности политония была распространена шире. Она сохранена сейчас лишь на периферии европейского ареала (Балканы, Скандинавия).

Количественное ударение (при котором ударный гласный выделяется длительностью звучания) типологически возможно. Но реально оно не встречается самостоятельно (вне соединения с динамическим или музыкальным ударением). Такое ударение типологически несовместимо с оппозицией долгих и кратких гласных фонем, например, как в английском, немецком. В отдельном языке представлен, как правило, один тип ударения – динамическое или музыкальное. Но в датском языке встречается сразу два вида ударения. Шведский язык использует все три вида ударения, нередко в одном и том же слове: начальный слог, как правило, выделен динамически и количественно, а один из следующих слогов отмечен изменением тона.

В некоторых языках словесное ударение отсутствует (в палеоазиатских языках (чукотско-камчатских, эскимосско-алеутских, енисейских и др.), в ряде тунгусо-маньчжурских языков (эвенский, эвенкийский и др.)

10.2. Слоговые и неслоговые языки

Слоги образуют не любые комбинации звуков (гласного и одного или несколько согласных), а некоторые определенные последовательности звуков. В большинстве языков звуки, образующиеся по тем или иным признакам, соответствуют друг

другу. Чем больше это взаимное соответствие звуков в слоге, тем отчетливее слогоделение, тем в большей мере слог выступает как единая (слитная) произносительная единица речи.

Наиболее тесно взаимосвязаны звуки, образующие слог (**в слоговых языках**, или языках слогового строя). К ним относится большинство языков Китая и Юго-Восточной Азии. В таких языках существует множество ограничений, накладываемых всем фонетическим строем языка на сочетаемость звуков. Допустимые слоги представляют собой фактически комбинации «заданных» звуков. Поскольку появление звуков, образующих слог, в значительной мере обусловлено другими звуками этого слога, то звуки в таких языках не обладают самостоятельными смысловоразличительными возможностями.

Поэтому в слоговых языках минимальной смысловоразличительной единицей является **не фонема**, а **слог**, который называется **силлабофонема**. При этом каждая **силлабофонема** – это звуковая оболочка морфемы или одноморфемного слова.

В слоговых языках жестко ограничен не только круг допустимых моделей слогов, но и само количество разных слогов. [В китайском языке, например, все слоги построены по модели «согласный + гласный (монофтонг, дифтонг или трифтонг)», причем сочетания согласных невозможны. Поэтому общее количество допустимых комбинаций согласного начала слога и его гласного конца ограничено: в пунтухуа (букв. ‘общепонятный язык’ – общенародный китайский язык, сложившийся на основе северных диалектов), насчитывается около 400 слогов, различающихся по звуковому составу.

Из-за ограниченного количества слогов-морфем, в китайском языке развилось смысловоразличительное (фонологическое) использование слоговой интонации. Четыре разных тона, в качестве обязательных характеристик китайского слога, увеличивают количество слогов-морфем до 1324 смысловоразличительных. Из этого исходного семантического материала строятся сложные слова (двух- или трехморфемные)].

В **неслоговых языках**, т. е. в языках, где основной смысловоразличительной единицей является **фонема**, а не слог, зву-

ковые цепи, а также количество допустимых моделей слогов, более разнообразны. [См. «Слог» в ЛЭС, 1990]. Слог как фонологическая единица в языках имеет признаки: 1) ограниченность класса допустимых схем слога (например, в арабском языке допустимы лишь слоги вида «согласный + гласный» и «согласный + гласный + согласный»); 2) простая структура внутрислоговых консонантных сочетаний, соответствующая принципу «волны звучности» (в датском языке в конце слога допускаются лишь сочетания «сонорный – шумный»); 3) наличие дистрибутивных ограничений из-за слоговых позиций (в немецком языке звонкие шумные невозможны в конце слога); 4) компенсаторные отношения по длительности между гласным и конечно-слоговым согласным (в шведском языке за кратким гласным следует долгий согласный, а за долгим гласным – краткий согласный); 5) зависимость места ударения от количеств, структуры слога; е) наличие слоговой просодии – тональной или тембровой (слогового сингармонизм – по мягкости/твердости в праславянском языке); 6) корреляции слогоразделов и грамматических границ (ее крайнее проявление – совпадение морфемы и слога, или моносиллабизм). Такие морфолого-фонологические единицы называют *силлабемами*.

Большинство языков обнаруживает фонологические признаки слоговости. В таких языках звуковые цепи образованы соположением слоговых «квантов», имеющих четко выраженную внутреннюю структуру, слоговое деление здесь однозначно. К числу языков, в которых фонологические признаки слога отсутствуют, относится современный русский. Русские звуковые цепи основаны на чередовании вокалических «вершин» и консонантных «склонов». Слогоразделы в интервокальных комплексах согласных неопределенны ввиду невыраженности дистрибутивных схем слога (о-стрый/ос-трый/ост-рый). Слогоразделы в русском языке всегда проходят после гласных (Л. В. Бондарко).

При описании компонентной структуры слога консонантное начало (*инициаль*) обычно противопоставляется последующей части (*рифме*). Рифма далее расчленяется на ядро

(*вершину*) и консонантный конец (*финаль*). Ядро слога может быть выражено гласным или сонантом (например, чешский *vr-ba*). Слог, имеющий начальный согласный, называется *прикрытым*, а не имеющий его – *неприкрытым*. Слог, имеющий конечный согласный, называется *закрытым*, а не имеющий его – *открытым*. По количественной характеристике различают слоги *сильные*, или «тяжелые» (рифма состоит из долгого гласного или краткого гласного – согласный), и *слабые*, или «легкие» (рифма состоит из краткого гласного) (ЛЭС, 1990).

Фонетическую оформленность смыслов изучает *семантическая фонетика*. Типологический метод позволяет вскрыть типологические закономерности в развитии фонетического состава языка. Так, в германских языках, в периоды их исторического развития, имеются повторяющиеся звуковые колебания, которые являются различительными количественными вариантами общего фонемного качества. Например, индоевропейское краткое [o] соответствует германским языкам краткому [a], которое распадается на четыре позиционно обусловленных звука [o], [a], [ae], [ea]. Краткое германское [a] распалась на строго обусловленные комплементы: [o], [ae], [i], [e], [ea], [ei].

В основе семантической фонетики лежит изучение языка в области его основной структурно-фонетической осмысленности смыслов. Семантическая фонетика выявляет фонетические комплексы, качественная сторона которых заключена в фиксированной сопряженности согласных фонем, а количественная – в исторически мигрирующей системе гласных. [Например, семантико - фонетический комплекс (СФК) [rt] (древнегреч. *vorite* – древн. англ. *written* – *wrat* – *writton* - *written*). СФК – это застывшая в строго определенном порядке структура согласных корневой части слова. Семантико-фонетические изоглоссы включают частотные СФК, как *trh*, *st* в английском, а в русском (ст. *star*, *stand*, *стоять*, *стойко*, *стойбище* и т.д.). Согласные являются смысловыразителями, а гласные – смыслоразличителями. Так, процессы трансформации, происходящие в гласных и согласных в процессе развития языка,

выступают в виде формы проявления, существования и функционирования звуков. Например, появление дифтонгов в XIII в., в английском языке в письмах малограмотных людей. В XIV в. это неправильность становится общеупотребительной речевой нормой, языковым стандартом.

В СФК качественный признак передается согласными, например [стл], [сл], а внутриколичественные колебания в градации признака выражаются изменением морфемного уровня, соответствующего каждой константе (род – константа предметности, родной – константа признака и т. д.)).

Рекомендуемая литература: *Аракин В.Д.* Сравнительная типология английского и русского языков: учебное пособие. Ленинград: Просвещение, 1979. Гл. 1, с. 5–36; Гл. 3, с. 61–67; *Абрамов Б.А.* Курс лекций по сравнительной типологии немецкого и русского языков // Теоретическая грамматика немецкого языка: учеб. для студентов вузов / под ред. Н.Н. Семенюк и др. М.: Владос, 2001. С. 174–179; *Гринберг Дж.* Фонологические универсалии в синхронии и диахронии. С.231–245 // Принципы типологического анализа языков. 1972;

Раздел 4. ЛЕКСИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ

§11. ЛЕКСИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ

Предметом лексической типологии составляют типологические сходства и различия лексических систем в разных языках.

Лексическая подсистема языка включает в себя все номинативные языковые единицы: знаменательные слова (в совокупности всех их грамматических форм и лексико-семантических вариантов) и устойчивые словосочетания, объединяемые общим термином «лексема».

Лексическая подсистема, в сравнении с фонологией и грамматикой, представляет собой менее структурированную, слабо организованную, нечеткую, громоздкую, вероятностную систему. В лексической типологии, в отличие от фонетико-фонологической и грамматической типологии, считается невозможным создание классификаций языков.

Типологически значимые различия в лексике разных языков в значительной степени обусловлены типологией их грамматики (прежде всего) и фонетики (отчасти), т. е. вторичны. Кроме того, из обсуждения лексической типологии практически исключаются языки инкорпорирующего и изолирующего типов.

Слово как номинативная единица в этих языках несамостоятельно и не столь значимо – в языках инкорпорирующего типа в речи оно неотделимо от словосочетания и даже предложения.

В языках изолирующего типа оно совпадает с морфемой, неотделимо от морфемы, а сложное слово неотделимо от синтагмы (их еще называют «несловными» языками).

Лексическая типология как новая область исследований возникла в 50-х гг. прошлого века (становление ее метода в славистике Исаченко (1958), Толстой (1969), Супрун (1983). Степень изученности лексического уровня языков значительно меньше, чем изученность фонологии и грамматики. Основ-

ной формой представления типологического знания о лексических системах является *характерология* языков. Широкое развитие получила также *сопоставительная лексикология*.

Для типологии лексических систем значимы следующие признаки: 1) объем словарного фонда; 2) семантико-тематическая структура лексики; 3) наличие и глубина стилистической дифференциации словаря; 4) источники новых обозначений и сравнительная продуктивность разных средств пополнения словарного запаса (таких как *морфемная деривация, семантическая деривация, заимствования, образование несвободных сочетаний*).

На основе рассмотрения этих признаков выделяют типологически значимые признаки: 1) соотношение в языке мотивированных и немотивированных названий; 2) степень морфемной сложности слов. В слове как единице типологического описания его фонологических, лексико-грамматических, синтактико-семантических характеристик можно увидеть типологическую специфику языка. Слово показывает связи между фонологией, морфологией, лексикологией, синтаксисом и семантикой.

В область сопоставительно-типологических разработок подпадают и вопросы общего характера, такие как: лексические типы слов; принципы разделения лексических единиц; определение в тексте конкретизирующей, ассоциативной или связующей, синтезирующей лексики; рассматривает слова-наименования (СН), категории наименования (КН), синонимию и антонимию и др. вопросы.

Считается, что большая трудоемкость словарного описания лексики, недостаток эмпирических данных не позволяют вывести полные универсалии в лингвистической типологии.

11.1. Типологические параметры слова

Степень морфемной сложности слов является первым типологическим параметром, по которому противопоставляется лексика разных языков.

В языках флективного типа корневая морфема, как правило, не совпадает с основой. Основа слова, отражая древнее

трехморфемное строение слов, отличается от корня, прибавление словоизменительных и словообразовательных морфем чаще всего вызывает изменение звукового состава корня (фузию), поэтому для корня становится характерной низкая степень выделяемости из состава слова и неспособность выступать в качестве одноморфемного слова.

Ведущим типом морфемного строения слова во флективном языке (в частности, в русском) являются двухморфемные слова, состоящие из корневой и словоизменительной морфемы, реже – трехморфемные слова, и совсем редко – одноморфемные (неизменяемые) слова.

В языках агглютинативного строя в результате однозначности аффиксов корневая морфема в целом совпадает с основной и с самостоятельным словом. Поэтому для языков агглютинативного строя, с которыми в данном случае сближается современный английский язык, характерна высокая степень самостоятельности корня и преимущественно одноморфемное строение слова.

Признание синтетических форм нерегулярными, речесивными признаками в типологически изолирующем английском языке и приобретение оставшимися словоизменительными морфемами признаков агглютинативности логически ведет к отказу от понятия «нулевая морфема».

Для русского языка, как и для других флективных языков, наиболее характерны **синтетические способы словообразования**, т. е. морфемная деривация разных типов – суффиксация, префиксация, инфиксация, конфиксация (более 80 % новых слов в русском языке).

Морфемная деривация в русском языке демонстрирует большее количество выражаемых лексических категорий, большее количество моделей, в том числе продуктивных моделей, большую степень дифференциации и деривационной активности, чем в английском языке.

Для английского языка типологично использование **безаффиксальных способов** пополнения лексического состава, к которым относятся семантическая деривация и конверсия,

как ее разновидность, образование устойчивых номинативных сочетаний (аналитических лексем), обратное словообразование или усечение, сокращение, аббревиация, редупликация, а также заимствования.

Наряду с типологически значимой анализированной короткословной лексикой, которая является исторически исконной, стилистически нейтральной и наиболее частотной, в английском языке содержится достаточно обширный пласт длиннословной заимствованной лексики, которая чаще всего стилистически маркирована и демонстрирует все формальные признаки лексики флективно-синтетического типа: четкие частиречные показатели, фузии на стыках морфем, низкую выделяемость корня, тяготение к морфемному словообразованию и т.д.

Словосложение как способ словообразования также имеет ряд расхождений, например, в русском и английском языках. [Так, сложные слова в английском языке, как в языке с агглютинацией, как правило, не имеют связующего компонента (интерфикса) между основами/корнями, что определяется как примыкание на уровне слов. Для русского языка характерно использование связующего компонента, обеспечивающего фузию между основами/корнями в сложном слове]. Расхождения во всех основных типах словообразования подтверждаются с помощью типологических индексов Дж. Гринберга.

Типологическим параметром, по которому различаются лексические подсистемы языков разных типов, являются также различия в *продуктивности разных способов пополнения словарного запаса*. В связи с алломорфностью способов словопроизводства их сопоставление производится на основе функционально-содержательного аспекта с использованием понятия «лексическая категория».

К дополнительным типологическим особенностям лексических систем относятся явления расширения семантики, обобщение значений слов, а также удельный вес служебной и полуслужебной лексики в языках.

11.2. Характер разделения лексических единиц

Слово представляет собой свернутую дефиницию понятия. Типологически общий характер в разделении лексики зависит от: 1) чувственной ступени соотносимости с объектом и возникающей между ними непосредственной связи; 2) логической ступени, где возникает опосредованная связь.

В эту ступень включается не только образ объекта, но и связанная с ним система отношений; направленности этой связи на объект или систему отношений; разобщенности или единства чувственной и логической ступеней.

Семасиологический аспект типологии слова включает объем значения слова; многозначность; полисемию; синонимию.

В сопоставительном плане лексика изучается на уровне отдельного слова, лексико-семантических групп и общих лексико-семантических категорий. Выделение этих уровней, разумеется, условно, поскольку отдельные слова входят в лексико-семантические группы и обладают определенными лексико-семантическими категориями. Тем не менее, каждый уровень позволяет проявить в слове его семантическую специфику, показать разные стороны его значения.

Слово изучается в семасиологическом и ономасиологическом аспектах. Первый аспект предполагает сопоставление объема значения слов в разных языках и их системных связей синонимического, антонимического и шире – полевого характера. С позиций ономасиологии изучаются проблемы наименования, в круг которых вовлекаются вопросы развития значения слова, заимствований и лакун.

Типологически общими в языках является наличие конкретизирующей, ассоциативной или связующей, синтезирующей лексики.

Конкретизирующая лексика характеризуется единством чувственной и логической ступени. Соотносимость с объектом – непосредственная и опосредованная, при которой возникают однозначные вокабуляры (*table, air, movement, girl*).

Ассоциативный или связующий тип лексики представляет собой словарные единицы, которые от конкретизирующего

типа лексики отличаются отсутствием непосредственного соотнесения с объектом (*for, there, they; das, der, die, diese*).

Синтезирующая лексика сочетает в себе чувственное и логическое отношение человека к действительности (междометия: *yes, no, hm; ja, nein*; модальные единицы: *maybe, probably, hardly*; звукоподражательные слова).

Уровни абстрагирования и выражения значения являются существенным в типологии слова. В языке разделение на конкретное и абстрактное идет в плане оппозиции лексического, как конкретного и грамматического, как абстрактного.

Слова-наименования (СН) непосредственно называют явления качества, отношения. Они составляют конкретный лексический пласт языка. Категории наименования (КН) – концентрируют слова вокруг какого-то определенного понятия: *красота, горечь, труд, война* и т.д. Каждое из этих понятий выступает своего рода категорией наименования, так как стягивает к себе все выражающие ее слова-наименования (КН): (КН – *beauty*). Выражающие ее СН: *nice, sweet, handsome*). В этом и состоит отличие КН от СН.

В типологии существуют понятие «универсально-константное значение» (УКЗ). В сознании людей существуют типологически общие универсально-константные значения слов. Категории наименования (КН) представляют собой конкретизированное выражение УКЗ. Эти УКЗ состоят из категорий наименования (КН), которые выражаются в свою очередь через слова-наименования (СН): понятие «жилье» как категория наименования имеет целый ряд своих слов-выразителей, содержащих в себе общий объединяющий их признак и различающие их моменты: дворец, дом, хижина, лачуга, квартира, юрта, шалаш и т.д.).

Несовпадение объема значения слов в разных языках можно считать *типологической универсалией*. Обусловлена эта универсалия тем, что в каждом языке слово входит в разные цепочки родственных слов и цепочки, образуемые ассоциативными связями. Например, *русс. окно – нем. Fenster. Окно – окошко – окошечко – оконце (сужение значения); «окно –*

вынужденный перерыв между уроками или парами (расширение объема значения). Немецкое слово имеет только один уменьшительный вариант *Fensterchen*, и не обладает переносным значением. С этих позиций объем значения немецкого слова шире, а объем значения нейтрального русского слова окно уже. В типологическом плане для русского языка характерен номинативно-производный тип значения (группировка слов вокруг основных центров значения).

В немецком языке сужение объема значения происходит, как правило, за счет *семантической дифференциации*. Например, многие немецкие глаголы при общности денотативного значения «покрывают» только часть денотативного пространства, уступая другую его часть другому или другим глаголам. Нередко ограничение денотативного пространства обусловлено синтаксическими условиями употребления. Этот тип значения В.В. Виноградов назвал «синтаксически-ограниченным». В русском языке двум или нескольким немецким глаголам может соответствовать один глагол, который соответственно будет иметь более широкий объем значения. Ср.: знать – wissen etw. (Allgemeines) oder wissen + придаточное дополнительное vs. kennen j-n, etw. (+ прямое дополнение); предлагать – vorschlagen (сделать что-то) + инфинитивная конструкция с zu vs. anbieten + прямое дополнение. Русские глаголы оказываются в типологическом плане гиперонимами, а немецкие, соответственно, – гипонимами. Соотношение гиперонимов и гипонимов – важный типологический признак, характеризующий лексические системы языков.

11.3. Типология синонимии и антонимии. Типология выражения смысла

Типология синонимии и антонимии и принципы построения синонимическо-антономического ряда, например, в имени существительном, включает в себе две основные разновидности лексем, которые противопоставляются по признаку одушевленности – неодушевленности. (Одушевленность реализуется в лексемах, по-разному передающих понятия конкретизации и

обобщения, например, существительные, относящиеся к миру животных; по родовому признаку (мужской, женский, средний; качественным и количественным признакам).

Типология призвана решить вопрос о том, как в своих внутренних формах язык отражает действительность. Какие языковые категории в их внутренних формах развития обуславливаются внешним миром. Универсально-константное значение связывается в сознании человека со строго определенной частью языкового материала, которая воспроизводит его.

Отражение материи и ее свойств в языке раскрывается через именную систему, основной атрибут материи – движение, процесс, состояние, выражаются глаголами.

Системное сопоставление лексики включает наряду с гипо-гиперонимическими отношениями сопоставление группировок слов и по другим признакам, прежде всего, по признаку синонимичности / антонимичности.

Основные закономерности формирования синонимов сходны в языках, например, возникновение синонимов в результате заимствования, которые могут частично совпадать по значению с исконными словами. Ср. русск.: устроить – организовать, недостаток – дефицит; нем.: *veranstalten* – *organisieren*, *Mangel* – *Fehlbetrag* – *Defizit*. Так, особенностью немецкого языка являются территориальные дублеты, т. е. диалектные варианты, употребляемые в различных областях Германии, австрийские и швейцарские варианты. Они приникают в литературный язык через художественную литературу и средства массовой информации. Ср.: *Sonnabend* – *Samstag*, *Gardine* – *Vorhang*, *Junge* – *Bube*, *Falter* – *Schmetterling*, *Schlächter* – *Fleischer* – *Metzger* – *Fleischhauer*. Специфику русских синонимических рядов составляют уменьшительно-ласкательные цепочки: заяц – зайка – зайчик – зайчонок. Исследование слова как средства номинации в типологическом аспекте предполагает сопоставление номинативных возможностей слова и развития его значения.

Универсальные средства номинации делятся на *внутренние* и *внешние*. К *внутренним* относятся: образование новых

слов, переосмысление значения существующих слов и использование в качестве номинативного средства словосочетаний. Внешним средством номинации являются заимствования. Степень использования того или иного средства – важный типологический признак языков.

Развитие значения слова в языках ведет к формированию многозначности. Многозначность представляет собой языковую универсалию.

Существуют универсальные законы развития многозначности, проявляющиеся в разных языках (например, закон перехода от конкретного к абстрактному). Основными средствами развития многозначности являются метафорические метонимические переносы. Главное направление таких переносов отражено в универсальном семантическом законе – *антропоморфизме*. Соответственно этому наименования переносятся от человека на весь остальной мир. Метафоры такого рода называются «the Mind-as-Body Metaphor». Например, метафорический перенос наименований деталей орудий, которые осмысливаются и называются по аналогии с частями тела, выполняющими аналогичные функции. Для русского языка переносные названия (производные имена) характерны с уменьшительными суффиксами: ручка, ушко (иголки), головка (винта), горлышко (бутылки), спинка (кресла), ножка (стола, кровати). В немецком языке отмечают аналогичные переносы, но нередко они охватывают другие номинации и входят в состав сложных слов: Flaschenhals, Landzunge, Meeresbusen, Tischbein, Fussende des Bettes).

В аспекте межкультурной коммуникации метафорический перенос, например, наименований эмоций во многих индоевропейских языках, объясняют тем, что они восходят к наименованиям физических действий, ощущений или органов тела, затронутых этими эмоциями. Физическая функция сердца – перекачивание крови – зависит от таких сильных эмоций, как любовь, печаль, страх; поэтому сердце может символизировать эти эмоции: рус. от всего сердца, сердце в пятки ушло, предложить руку и сердце. Нем.: vom ganzen Herzen; es ist mir

schwer ums Herz; das Herz ausschütten. Или глаголы сенсорного восприятия, например, глаголы видения. Они являются общими для индоевропейских языков: физическая природа видения (например, наименования органа зрения глаз – Auge используются в качестве производящей основы для глаголов глазеть, глядеть – äugeln, liebäugeln), метафоры видения как физического прикосновения (поймать взглядом – ins Auge fassen).

Переносное употребление слов ведет к образованию семантических неологизмов, в формировании которых не всегда прослеживаются универсальные закономерности. Этот процесс тесно связан с социальным развитием и прагматическими потребностями, возникающими в языковом коллективе (оранжевая, тюльпановая революция; перестройка; комок; Fettpolster (резервный капитал); buchen (ein Ticket) Autofalle: heimliche Geschwindigkeitskontrolle).

Заемствование новых слов представляет собой универсальную языковую особенность, обусловленную языковыми контактами. Глобализация и создание «всемирной паутины» обусловили массовый приток в разные языки мира англицизмов и процесс адаптации англицизмов протекает в них с разной скоростью. Интернациональные словообразовательные элементы греко-латинского происхождения, таких как: мини-, макро-, поли-, изо-, би-, моно-, псевдо-, встречаются практически во многих языках. Например: Makrotext, polytechnisch, bilateral, Monographie, макротекст – политехнический, билатеральный, монография. Однако не всегда объем значения этих слов в разных языках совпадает. Заемствования различаются и по форме, поскольку ассимилируются к разным языковым системам.

Рекомендуемая литература: *Виноградов В.В.* Основные типы лексических значений слова // *philology.ru*; *Лексико-грамматические оппозиции в формировании категорий наименований* // Кошечкина И.Г., Дубовский Ю.А. Сравнительная типология английского и русского языков. М.: Высшая школа, 1980. § 18, с.55–58. *Мечковская Н.Б.* Общее языкознание: структурная и социальная типология языков. М., 2009;

Раздел 5. ТИПОЛОГИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЯЗЫКА

§12. КАТЕГОРИЗАЦИЯ В ЯЗЫКЕ. КЛАССИФИЦИРУЮЩИЕ (ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ И СЛОВОИЗМЕНТЕЛЬНЫЕ) КАТЕГОРИИ

Все основанные на грамматике типологические учения подразделяются на формальные и содержательные. К формальным относятся учения, в фокусе внимания которых стоит типология морфологических явлений и прежде всего выразительных средств грамматике (флексия, порядок слов и т.д.). К содержательным – рассматривающие типологию содержательных форм языка, т. е. грамматических категорий.

Морфологический уровень рассматривает структуру слова, форму словоизменения, способы выражения грамматических значений, а также отнесение слов к определенной части речи.

Весь словарный состав существующих языков подразделяется на определенные лексико-грамматические классы, называемые традиционно частями речи. Основные принципы этого подразделения на разряды, это – лексическое значение, морфологическая форма и синтаксическое функционирование. История изучения частей речи говорит о сложности решения вопроса: что же представляет собой категориальное значение, лежащее в основе отнесенности слова в ту или иную классификацию? Категориальное значение, которое образует часть речи, является грамматическим, поскольку его появление мотивируется синтаксической позицией, а его функционирование связано с реализацией той системы форм, в рамках которой существует позиция.

Явления синтагматики находят свое выражение в конкретной морфологической оформленности как явления парадигматики.

Значение знаменательной словоформы складывается из лексического и грамматического или же целиком является лексическим, а значение лексемы состоит из лексического значения и обобщенного грамматического значения, объединяющего грамматические значения составляющих словоформ.

Грамматическая и семантическая направленность имеет различную соотносимость по отношению к объективно классифицируемым в языке словарным единицам. Грамматическая направленность служит распределению слов по частям речи, а семантическая определяет смысловые группы внутри частей речи. Поэтому первая направленность носит название общего внешнекатегориального значения, а вторая – частного внутрикатегориального значения. Значения предметности, действия, признака, лица и другие выражают определенные доминанты общего лексического значения всех слов, составляющих определенную часть речи.

Значения, лежащие в основе формирования каждой части речи, выступают в роли ее константы. Константа, как значение, лежащее в основе формирования части речи, является: 1) единицей широкого плана, представляющей собой совокупность всех составляющих ее грамматических категорий; 2) единицей двуплановой, имеющей и значащую, и знаковую стороны. Ср.: Функционально-семантическое поле (ФСП) «предметности» в русском языке имеет три грамматические категории: род, число, падеж. ФСП «действия» – шесть грамматических категорий: вид, время, залог, наклонение, лицо и число. Морфологические и синтаксические части речи – это различные классы лексем, выделяемых по разным принципам и нередко не совпадающих

§ 13. ПОНЯТИЙНЫЕ КАТЕГОРИИ И ЯЗЫКОВЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ В ГРАММАТИКЕ

Понятийные категории относятся к фундаментальным универсалиям, необходимым для коммуникации. В современной лингвистике все отчетливее намечается тенденция к

вскрытию и описанию понятийных универсалий, находящихся в выражении в речи, т. е. стремление вскрыть, обосновать и увязать с выразительными возможностями конкретных языков такие универсальные понятийные абстракции, которые являются отражением в психике и в речевой практике человека основных, наиболее существенных и частотных проявлений объективной действительности. [Ср. Мещанинов И.И. подчеркивает языковой характер понятийных категорий: «Эти понятия, выражаемые в самом языке, хотя бы и неграмматической формой грамматические понятия, остаются в пределах языковых категорий. В то же время, выражая в языке нормы действующего сознания, эти понятия отражают общие категории мышления в его реальном выявлении, в данном случае – в языке» (Мещанинов И.И. Глагол. 1948)]. «Неграмматичность» выражения понятийных категорий вытекает из факта оформления значений конкретных языковых понятийных категорий в тексте разноуровневыми средствами: в синтаксических построениях и в оформлении слова.

Языковые понятийные категории определяются как интердисциплинарные абстракции высокого порядка, высокочастотные и универсальные в плане мыслительно-речевого функционирования, возникающие и существующие как результат отражения в психике фундаментальных направлений и отношений объективной действительности. Эти абстракции передаются в разных языках в системе речи, но разным набором средств в зависимости от особенностей системы конкретного языка [см.: Балин Б.М. и др. Сравнительная аспектология русского и немецкого языков. Калинин: КГУ, 1979. с. 29). С позицией этого определения к языковым понятийным категориям относятся время, пространство, аспектуальность, модальность, количество и качество, определенность-неопределенность, одушевленность-неодушевленность].

Понятие «поле» используется для описания взаимодействия языковых средств (И. Трир), разных уровней в сравнении различных языков. Так, одним из объектов исследования функциональной грамматики, которая изучает функции и за-

кономерности проявления единиц лексико-грамматического строя языка, является понятие «функционально-семантическое поле» (ФСП). В широком смысле ФСП понимается, как совокупность лексических единиц, объединенных общностью содержания и отражающих определенный предметно-понятийный отрезок объективной действительности.

В пределах «поля» выделяются более узкие группы – лексико-семантические. Выделяются лексико-семантические группировки различными способами: на основе общего понятия, дистрибуции, ассоциативных слов-наименований конкретных отношений. В структуре функционально-семантического поля выделяют ядро, центр, периферию.

В современной типологии языков проблема «скрытой грамматики» рассматривается Б.Л. Уорфом в работе «Грамматические категории», а также в работах Дж. Лакоффа. Б. Л. Уорф формулирует различие между открытыми и скрытыми грамматическими категориями. Открытая (явная) категория – это категория, которая находит формальное выражение в каждом предложении, содержащем член этой категории. Формальным показателем может быть как часть слова, к которому относится категория в парадигматическом плане, так и отдельное слово или определенная модель целого предложения.

Скрытая категория выражается специальной морфемой или особой моделью предложения только в некоторых случаях и отнюдь не во всех предложениях, в которых представлен член этой категории. Скрытая категория проявляется лишь в том случае, если слово будет употреблено или соотнесено с одним из специальных типов предложения, и тогда обнаруживается, что данное слово принадлежит определенному классу. Это скрытая форма проявления грамматической категории. Например, грамматический род в английском языке – это скрытая категория, проявляющаяся лишь при соотнесении существительного с личными местоимениями третьего лица.

Большое значение имеет исследование скрытых грамматических категории при выработке **контенсивной типологии**. [Выявление свойственного каждой грамматической категории

функций (открытых и скрытых) является необходимой предпосылкой редуccionного анализа морфологических категорий. Целью редуccionного анализа является типологическая квалификация функционального содержания морфологических категорий. Г.А. Климов предлагает модель контенсивной типологической классификации, которая основывается на структурной специфике способов передачи в языках универсальных субъектно-объектных отношений (Принципы описания языков мира, 1976 глава «Вопросы контенсивно-типологического описания языков», с. 126)]. Предлагается рассмотрение с позиций глубинной зависимости выделявшихся ранее синтактико-морфологических типов от принципов организации лексики. Тем самым не только лексические параметры были впервые внесены в типологическую систематику, но вместе с тем была предложена гипотеза о существовании в языках, принадлежащих к разным контенсивным типам, соответствующей содержательной доминанты. Такое решение соотношения контенсивных языковых типов нуждается в дальнейшем исследовании.

Рекомендуемая литература: *Бондарко А.В.* О структуре грамматических категорий (Отношение оппозиции и неопозитивного различия // *Вопр.языкознания*. 1981. № 6; *Гухман М.М.* Понятийные категории языковых универсалий и типологий // *Вопросы языкознания*, 1985. № 3; *Гухман М.М.* Соотношение словоизменяемых грамматических категорий и типологии языка // *Типология грамматических категорий*. М., 1975; *Принципы типологического описания частей речи*. *Уорф Б.Л.* Грамматические категории. С. 44–60; *Гулыга Е.В., Шендельс Е.И.* Грамматико-лексические поля. М., 1969; *Типология грамматических категорий*. М., 1975; *Части речи. Теория и типология*. М., 1990. С. 25–50; *Ярцева В.Н.* Иерархия грамматических категорий и типологической характеристики языков // *Типология грамматических категорий*. М., 1975.

Раздел 6. СИНТАКСИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ЯЗЫКОВ

Изучение категории залога как сферы разнообразных субъектно-объектных отношений привело И.И. Мещанинова в 30-х гг. прошлого столетия к открытию классов языков, для которых характерны глубоко различные типы организации предложения – номинативные и эргативные структуры (см. его посмертно изданную книгу: Мещанинов, 1984). Так были заложены основы синтаксической типологии языков.

Последующие исследования показали, что изучение структуры и семантики субъектно-объектных отношений перерастает рамки синтаксической типологии. Это происходит потому, что, во-первых, сами отношения «субъект – действие – объект» в разных языках могут быть представлены (как бы «увидены» языком) принципиально по-разному.

Различия между номинативным и эргативным строем настолько глубоки и значимы для понимания возможных способов видения мира «сквозь призму» языка, что их стали трактовать как содержательные различия между группами языков, а соответствующие исследования стали называть *контенсивной типологией*. **Контенсивный** (от англ. content – содержание).

Предмет контенсивной типологии языков стали понимать шире: не только субъектно-объектные структуры предложения, но вообще сходства и различия в плане содержания языков. Такая контенсивная типология ориентирована на «понятийные» (семантические) категории грамматики и лексики. Своим названием подчеркивается ее отличия от морфологической типологии, занятой формой, «техникой языка». В силу комплексного (разноуровневого и системного) характера средств выражения залоговых значений, контенсивная типология вновь возвращается к понятию языкового типа, понимая его в качестве «совокупности признаков-координат различных языковых ярусов – синтаксического, морфологи-

ческого, лексического и фонологического (морфофонологического)» (Климов, 1983:210).

§14. НОМИНАТИВНЫЙ, ЭРГАТИВНЫЙ, АКТИВНЫЙ, КЛАССНЫЙ И НЕЙТРАЛЬНЫЙ СТРОЙ ЯЗЫКА

К языкам *номинативного строя* относится большинство языков мира, в том числе все языки индоевропейской, тюркской, монгольской семей, афразийской (семито-хамитской) макросемьи, языки уральской макросемьи (включающей финно-угорскую и самодийскую семьи), тунгусо-маньчжурские языки алтайской семьи, большинство языков китайско-тибетской семьи, большинство южноамериканских индейских языков (кечумара).

В *номинативных* языках весь строй предложения направлен на максимальное различие субъекта действия и его объекта. Это достигается благодаря ряду грамматических и лексико-грамматических средств, таких как: 1) оппозиции падежа для субъекта действия (номинативного, или именительного) и падежа для объекта (в первую очередь, винительного, но также и других косвенных падежей); 2) лексико-грамматическому противопоставлению переходных и непереходных глаголов, при этом переходность глагола-сказуемого способствует особенно четкому различению субъекта и объекта (вплоть до выработки специальных активных и пассивных морфологических форм и синтаксических структур); 3) противопоставлению прямого и косвенного объектов. При этом позиция прямого объекта, т. е. винительный падеж способствует максимальному различению субъекта и объекта, в то время как в других косвенных падежах может наблюдаться частичная нейтрализация субъектно-объектных различий (ср. размытость различий между косвенным объектом и пассивно-безличным субъектом в позиции дательного падежа: мне пишут, мне приходится писать, мне пришло в голову, мне думается, мне не пишется и т.п.).

Эргативный строй предложения ориентирован на максимальное различие более активных действий, в большей мере самостоятельных и независимых от внешних инициатив или субъектов, и действий менее активных и самостоятельных. Это различие осуществляется следующим образом: 1) имеется лексико-грамматическая оппозиция переходных (более активных) и непереходных (менее активных) глаголов; 2) имеется оппозиция двух падежей для субъекта действия в зависимости от его большей или меньшей активности: при большей активности субъект действия (подлежащее) стоит в эргативном падеже (от греч. *ergates* – действующее лицо). Это падеж производителя действия, его инициатора); при меньшей активности подлежащее стоит в абсолютном падеже (это падеж для носителя действия, как бы исполнителя внешней инициативы); 3) имеется оппозиция двух падежей для объекта действия в зависимости от большей или меньшей активности действия: при большей активности требуется прямой объект, который стоит в абсолютном падеже; при меньшей активности требуется косвенный объект (часто это инструмент действия или адресат), который ставится в эргативном падеже. Ср. примеры Г.А. Климова из аварского языка: А) эргативная конструкция: Ди-ца бече б-ачана 'Я теленка пригнал': местоимение 1-го лица Ди-ца стоит в эргативном падеже, прямое дополнение (бече) – в абсолютном. Б) абсолютная конструкция предложения: бече б-ач/ана Теленок пришел': подлежащее стоит в том же абсолютном падеже, в каком в первом предложении пребывало дополнение. В результате один и тот же глагол (в аварском есть группа переходно-непереходных глаголов, конкретизирующих свою семантику в зависимости от эргативности-абсолютности конструкции) получает существенно разные значения в плане активности-неактивности – 'сделать так, чтобы некто пришел' и 'быть пришедшим'.

Таким образом, и эргативный, и абсолютный падежи могут быть формами и для субъекта действия и для его объекта: выбор падежа диктуется не необходимостью различить субъект и объект, а необходимостью различной передачи самого

действия – путем указания на то, насколько действие активно и независимо. Возможно, более глубокий смысл этого противопоставления заключается в оппозиции двух «семантических ролей» в структуре предложения: «агентива (источника действия) и фактитатива (носителя действия)» (Климов, 1983:215).

К языкам эргативного строя относятся большинство иберийско-кавказских языков, баскский язык, многие папуасские, австралийские, чукотско-камчатские, эскимосско-алеутские, североиндейские языки.

Оппозиция активного и неактивного действия с еще большей последовательностью, чем в эргативных языках, выражена в языках **активного строя**. Все возможные субъекты действия обладают показателями активности или неактивности действия: существительные распределены на соответствующие классы, личные местоимения имеют две парадигмы склонения – активного деятеля и неактивного. Имеется два класса глаголов: активные (глаголы действия) и глаголы состояния. Как и в эргативных языках субъектно-объектные отношения не имеют регулярной манифестации в структуре предложения. К языкам активного строя относятся многие автохтонные языки Северной и Южной Америки.

Для языков **классного строя** характерно разделение главных частей речи на семантические классы (разряды). Например, в кругу **существительных** есть *разряд человека, разряды животных, растений, длинных предметов, предметов коротких, круглых, плоских* и т.д. **Глаголы** делятся на *глаголы ситуации* и *глаголы качества*; им соответствуют определенные конструкции предложения, при этом в конструкциях с глаголами ситуации передаются общие субъектно-объектные отношения (Принципы 1976:132-133; Климов, 1983:87-89). К классному типу относятся многие языки Центральной Африки, включая языки семьи банту и в их числе суахили – один из самых распространенных в межэтническом общении африканских языков.

В силу недостаточной изученности, языки **нейтрального строя** пока могут быть охарактеризованы, скорее отсутствием тех черт, которые составляют отличия номинативного, актив-

ного и классного строя. Не исключено, что даже имя и глагол здесь морфологически не дифференцированы. Трудно указать семантико-синтаксическую доминанту предложения в этих языках: они «нейтральны» и в передаче субъектно-объектных отношений, и в различении активных и неактивных действий. К нейтральному типу принадлежат некоторые языки Западной Африки.

Пять рассмотренных типологических систем, по мнению Г.А. Климова, могут быть интерпретированы в качестве стадий в развитии языка человека. «Если сопоставить структурные импликации всех охарактеризованных выше типологических систем, то по степени своей взаимной близости они, по-видимому, с необходимостью выстраиваются в следующий ряд: 1) нейтральный тип; 2) классный тип; 3) активный тип; 4) эргативный тип; 5) номинативный тип. Именно такая последовательность диктуется прежде всего степенью усиления ориентации их структуры на передачу субъектно-объектных отношений» (Принципы 1976:142). И хотя в более поздней работе Г.А. Климов значительно осторожнее в вопросе об историческом объяснении континентно-типологической классификации языков, в целом сохраняется мысль о «едином процессе постепенного усиления субъектно-объектной ориентации языковой структуры» и «необратимости развития от одного языкового типа к другому» (Климов, 1983:219, 218).

На лингвистической карте мира преобладают языки номинативного эргативного строя, а также языки, совмещающие номинативные и эргативные черты. По-видимому, это обстоятельство может быть одним из эмпирических подтверждений эволюции языковых структур в направлении к номинативному укладу. Возможно, именно номинативный и номинативно-эргативный строй характерен для языков современного человечества.

§15. ТИПОЛОГИЯ ПОРЯДКА СЛОВ

В типологии порядка слов существенны следующие различительные признаки: 1) свободное или фиксированное

положение основных мыслительных категорий внутри предложения; для языков с фиксированным порядком существенно также то, в какой последовательности относительно друг друга располагаются главные мыслительные категории (и соответствующие члены предложения); 2) преобладание «естественного» или «синтаксического» порядка в развертывании полипредикативных высказываний); 3) преобладание «естественного» или «синтаксического» порядка в линейной организации синтагм. Модели фиксированного словоупорядка рассматриваются в триаде «субъект–действие–объект». S – субъект действия, V– действие (*lat. verbum* – глагол), O – объект действия. В языках со свободным порядком слов (как, например, в славянских) взаиморасположение членов предложения может быть любым, т. е. используются все 6 теоретически возможных моделей словоупорядка: ср. в русск.: SVO, SOV, OVS, OSV, VSO, VOS.

Свобода или фиксированность словоупорядка коррелируют с существенными морфологическими чертами языков. При свободном порядке слов синтаксическая функция слова (функция обозначения, допустим, субъекта или объекта действия) зависит не от его места в предложении, а от его падежной формы. При фиксированном порядке слов место слова соответствует его синтаксической функции, и тогда морфологические показатели синтаксической роли слов (т. е. падежи) становятся излишними. Таким образом, оппозиция «свободный – фиксированный порядок», коррелируя с наличием /отсутствием категории падежа, имеет основополагающее значение для типологии языков.

Свободный порядок слов – это важная черта синтетического строя, в то время как фиксированный словоупорядок типичен для аналитических языков.

В языках со свободным словорасположением порядок слов, не будучи связанным с передачей синтаксических значений, находит свое функционально-семантическое применение в формировании других значений, более частных, в той или иной мере факультативных и «поверхностных», но замет-

ных и важных для говорящих в конкретных актах общения. Свободный порядок слов позволяет говорящим с помощью словорасположения выражать или уточнять логические или психологические акценты, тема-рематическую и/или временную перспективу, экспрессивно-стилистические коннотации и другие оттенки плана содержания высказывания. [Ср.: Машину Саша водит (данный порядок говорящий избирает потому, что в подтексте или следующем высказывании может быть примерно такое содержание: 'Машину водит, а вот катер еще не умеет'; или 'Водит, а чинить не умеет', или 'Водит, но не любит' и т.д.). Саша водит машину (в подтексте: 'А Петя управляет самолетом' и т.п.). Водит Саша машину (в подтексте: 'А между тем думает, как бы пересесть на вертолет' и т.п.) (примеры см. Мечковская, 2008:88–89)].

Однако оппозиция «свободный – фиксированный порядок», даже если иметь в виду чисто грамматические функции словорасположения, – это отнюдь не жесткая дихотомия, а плавный континуум, со многими «отступлениями» от фиксированного порядка и столь же многочисленными «ограничениями» свободного словорасположения. Если же говорить о коммуникативных функциях порядка слов (различение темы и ремы), о его роли в выражении логического и психологического содержания, его экспрессивных и эмфатических возможностях, то представления о «норме» в словопорядке и инверсии нуждаются во многих уточнениях применительно к конкретным языкам (см.: Абдрахманова Р.Дж. Логико-грамматический уровень членения предложения в немецком и русском языках (функционирование билингвистической схемы порядка слов). Бишкек: КРСУ, 2013).

В отличие от языков со свободным словопорядком, при котором возможны любые комбинации V / S / O (сказуемого и его главных актантов – субъекта и объекта), в языках с фиксированным порядком слов в высказываниях преобладает та или иная одна модель взаиморасположения SVO. В языках мира с фиксированным словопорядком встречаются все из 6 возможных комбинаций SVO в качестве доминирующей мо-

дели словорасположения, при этом, однако, встречаемость в языках мира каждой из 6 моделей существенно разная.

В таблице приводятся данные о количестве и удельном весе групп языков с разными доминирующими моделями словоупотребления (из 402 языков, обследованных в 1986 г. Р.С.Томлином (An Encyclopedia of Language/Ed. by N. E. Collinge. London – New York, 1990. P. 297).

Таблица представленности 6 моделей порядка слов:

Модель порядка слов	Количество и % языков (из 402 языков)	Языки с преобладанием соответствующей модели
SOV	180 (44,78 %)	Японский, корейский, хоккайдские языки (из группы индейских языков), неварский (тибетобирманский)
SVO	168 (41,79 %)	Английский, вьетнамский, банту, бушменские языки (африка), некоторые индейские языки
VSO	037 (9,20 %)	Языки берберо-ливийской ветви
VOS	012 (2,99 %)	Некоторые языки амазонского, тихоокеанского ареалов
OVS	005 (1,24 %)	Некоторые языки карибского и амазонского ареалов
OSV	000 (0 %)И	Некоторые языки Карибского и амазонского ареалов

§16. СИНТАКСИЧЕСКИЙ И ЛОГИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ УРОВНИ ЧЛЕНЕНИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК ЯЗЫКОВЫЕ УНИВЕРСАЛИИ

Предложение, рассматриваемое с его коммуникативной стороны, принято называть высказыванием. Одно и то же предложение может приобретать разный смысл в зависимости от коммуникативной цели, которую преследует говорящий. Высказывание, в плане его актуального членения, является единицей самостоятельного уровня языковой системы – уровня актуального членения.

Формальными средствами организации высказывания на уровне актуального членения служат порядок слов и интонация. Синтагматические отношения устанавливаются между высказываниями, следующими друг за другом в речевой цели. Синтагматическим рядом для высказывания является текст. Парадигматические отношения устанавливаются между высказываниями, объединенными общностью синтаксической структуры и формально различающимися взаиморасположением компонентов этой структуры или интонационным строем. Формальное различие между высказыванием и входящими в парадигму связано с разным синтаксическим наполнением темы (Т) и ремы (Р).

В отличие от синтаксического членения логико-грамматическое членение имеет универсальный характер, поскольку оно отражает структуру логической фазы (суждения – сообщения, суждения – вопроса и суждения – побуждения), являющуюся формой мышления, свойственной всему человечеству.

Согласно теории логико-грамматического членения предложения, исходящей из понимания диалектически противоречивого единства языка и мышления, признается существование наряду с синтаксическим уровнем предложения особого логико-грамматического уровня, обусловленного его актуальным членением (Панфилов, 1971:162).

Выделяя синтаксический и логико-грамматический уровни предложения, В.З. Панфилов указывает, что «мы имеем

дело с одним и тем же отрезком речевой цепи, и их соотношение друг с другом в этом смысле скорее напоминает то, в каком отношении находятся друг к другу слоговая и морфемная структура слова. Поэтому, выделяя синтаксический и логико-грамматический уровни предложения, мы выделяем не две особые единицы, а два уровня структуры одной и той же единицы предложения» (стр. 228).

На этом уровне предложения субъектно-предикативная структура соответствующей мысли выражается особыми грамматическими средствами и в отличие от синтаксического логический субъект и логический предикат выражаемой мысли определяются как логико-грамматический субъект и предикат. На каждом из описанных уровней исследователь имеет дело с элементами различных структур: синтаксическое членение предложения коррелирует со структурой суждения как пропозициональной функции. В синтаксической структуре предложения наряду с подлежащим, дополнениями и сказуемым имеются также второстепенные члены предложения, как определение, несубстантивное обстоятельство, которые в отдельности не выражают каких-либо структурных компонентов суждения как пропозициональной функции, т. е. предиката и его аргументов, а входят лишь в состав синтаксических групп (подлежащего, сказуемого, дополнений). Или иначе, соответствие синтаксической структуры предложения структуре суждения как пропозициональной функции принимается с той оговоркой, что элементы синтаксической структуры, входящие в состав подлежащего и сказуемого (определение, несубстантивное обстоятельство), не образуют отдельных компонентов структуры суждения, а соответствуют вместе со своим главным членом одному из ее компонентов. Такое допущение возможно потому, что конкретная связь внутри различных атрибутивных сочетаний имеет значение лишь для «малого синтаксиса», синтаксиса словосочетания, поскольку атрибутивные комплексы играют в предложении ту же роль, что и определяемые члены, взятые отдельно. В своих внешних связях такие словосочетания представлены только определенными

членами. Эти виды членения предложения отражают разные стороны единого процесса и, взаимопроникая, не существуют отдельно друг от друга. Структура предложения как пропозициональной функции отражает характер объективных связей в действительности. Его субъектно-предикатная структура фиксирует ход, направленность познавательного процесса.

Логико-грамматическое членение предложения изоморфно субъектно-предикатной структуре мысли, выражаемой предложением. Логико-грамматическое членение предложения и есть субъектно-предикатная структура мысли, компоненты которой маркированы определенными формальными языковыми средствами.

Если на синтаксическом уровне способ членения предложения определяет характер элементов его структуры, т. е. членов предложения, поскольку члены предложения в каждом языке характеризуются определенными грамматическими признаками, ввиду чего синтаксическая структура предложения, выражающая одну и ту же мысль, может быть различной.

Для характеристики элементов структуры того же предложения на логико-грамматическом уровне характер используемых для выделения грамматических средств оказывается безразличным, т. е. значение членов предложения на этом уровне содержится уже как бы в снятом виде, ввиду чего и логический субъект, и логический предикат могут быть выражены любым членом предложения или группой членов предложения (Панфилов, 1982:134). Другими словами, эта структура выделяется в качестве особого явления лишь в той мере, в какой мы абстрагируемся от этих формальных языковых средств. В реальном же предложении как коммуникативной единице языка все три уровня неразделимы, поэтому выделяемые в нем логические субъект и предикат называются логико-грамматическим субъектом и предикатом.

Основным средством выражения логико-грамматического субъекта и предиката является порядок слов. При этом в одних языках (синтетических) порядок слов служит, главным образом, для выражения хода мысли, в других (аналитических) он одновременно выполняет функцию передачи синтаксических

связей. [Впервые этот вопрос был исследован А. Вейлем (1884), сопоставивший особенности этого порядка в античных языках и современном ему французском языке. Было выявлено соотношение порядка слов в повествовательном предложении с порядком следования выражаемых в нем идей. Было установлено, что в древних языках порядок слов был обусловлен ходом мысли, а синтаксису отводилась функция формальных связей, осуществляемых с помощью флексий. В современных аналитических языках порядок слов также отражает порядок мыслей, ибо, подчеркивает А. Вейль, – «это закон любого разумного существа». Но одновременно он используется и для передачи синтаксических связей (Weil, 1879). Последнее же, как известно, связано с утратой флексий и структурным упрощением модели предложения при переходе языков от синтетического к аналитическому типу. Поэтому, если раньше подлежащее служило только в качестве исходной точки для создания предложения, то теперь современные аналитические языки пытаются превратить его в исходную точку самой мысли. При этом они не требуют жертвы от порядка слов, а стремятся приспособить синтаксис к логическому порядку слов (Weil, 1879)]. Ход мысли при отражении одних и тех же явлений объективной действительности, направленность познавательного процесса не являются постоянными. Исходными для того или иного мыслительного акта могут быть не только предметы, но и признаки, в результате чего в качестве субъекта суждения могут выступать не только понятия о предметах, но и понятия о признаках.

В качестве предиката могут выступать и понятия о признаке, и понятия о предметах, т. е. в предложении логический субъект соответственно может выражаться не только подлежащим – именем существительным в именительном падеже, но и другими членами предложения – сказуемым, обстоятельством, дополнением. Логический предикат подобным же образом выражается не только сказуемым, но и другими членами предложения. Наиболее типичным является образование пассива, когда «мы изменяем синтаксис, чтобы согласовать ход мыслей и порядок слов» (Weil, 1879:29).

Например, рассматривая ситуацию, составляющими которой являются субъект действия, объект действия и само действие, то активность познавательного процесса, направленного на ситуацию этого типа, в частности проявляется в том, что об одной и той же ситуации могут быть высказаны различные предложения при одном и том же его лексическом составе, отражающем ее составляющие компоненты, но отличающиеся по своей залоговой характеристике (*Дом построен рабочими* и *Рабочие построили дом*) (Панфилов, 1982:131–132). Лабильность субъектно-предикатной структуры проявляется в том, что одной и той же ситуации, фиксируемой в суждении как пропозициональной функции, может соответствовать несколько различных субъектно-предикатных структур, поскольку ход познавательного процесса, отражающего эту ситуацию, может изменяться. Перестройка субъектно-предикатной структуры, отражающей эту ситуацию, – мысли заложена в самой природе грамматической категории залога, когда категория залога глагола характеризует то или иное соотношение подлежащего (грамматического субъекта) и дополнения (грамматического объекта) с субъектом и объектом действия, определяемое глаголом и приуроченное к его определенной форме (Панфилов, 1983:132) (ср. «... согласовать ход мыслей и порядок слов» по Вейлю).

Но, кроме того, существуют другие явления, также связанные с рассматриваемым процессом. Впервые они были вскрыты в результате выявления информационной роли порядка слов на логико-грамматическом уровне членения предложения в английском (Пумпянский, 1972), основные положения которой были развиты, дополнены, и получены новые научные данные в исследованиях его учеников и последователей. К ним относятся: позиционная логико-грамматическая многозначность членов предложения – их способность выполнять как функцию логико-грамматического субъекта, так и предиката в своих позициях в предложении структуры «твердого порядка» слов, и семантическая многозначность членов предложения в функции логико-грамматического субъекта или предиката. Например, субъектное препозитивное подлежащее

может иметь значение не только исполнителя, но и объекта, а также места совершения выражаемого глаголом действия. Дополнение, обстоятельство могут стать исходной точкой предложения-высказывания, но для этого часто необходимо преобразование их в форму подлежащего и соответствующее маркирование в глаголе. Этот фактор является источником многозначности субъектного препозитивного подлежащего с точки зрения взаимодействия в предложении логического и грамматического порядка слов, как это имеет место при пассиве. Ср.: 15,4 % der Gesamtbetriebskosten (VI)₁ entfallen (VI)₂ auf Umweltschutzmaßnahmen (VII д) (GL, 14, 1107). - На охрану окружающей среды (VII д) приходится (VII)₂ 15,4% всех производственных издержек (VI)₁ (Гл. 14, 35). 4) Optische Eigenschaften der Gläser (VI)₁ werden (VI)₂ in (3,750) (VIII) mitgeteilt (VI)₂ (F, 295). - В системе Te - Ав - Se (750) (X(V - VIII) изучены (VI)₂ оптические свойства стекол (VI)₁ (Ф, 372).

Исследования соотношения синтаксического и логико-грамматического уровней членения предложения на материале различных языков в монолингвистическом и типологическом плане, показали, что данные взаимопроникающие друг в друга членения предложения отражают разные стороны единого процесса. Они не существуют отдельно друг от друга, поскольку набор определенных грамматических средств, маркирующих логический субъект и логический предикат, лишь отчасти совпадает с теми, которые используются на синтаксическом уровне. Между ними происходит постоянное взаимодействие, а такое средство, как порядок слов, функционирует и на том, и на другом уровне (Панфилов, 1982; Пумпянский, 1972).

Порядок слов как одно из важнейших средств выражения коммуникативного членения предложения в комплексе с другими языковыми средствами участвует в установлении коммуникативной значимости членов предложения. Он больше удовлетворяет потребностям выражения смыслового членения предложения, обуславливающегося реальной, логической последовательностью вещей и явлений в объективной действительности, и используется главным образом в письмен-

ной речи, где вербальные средства компенсируют ситуативные и паралингвистические.

Однако при выполнении коммуникативной функции, словорасположение может иметь некоторые ограничения, связанные, прежде всего, с синтаксическими правилами того или иного языка, например в немецком и русском языках. Синтаксическая функция порядка слов подчинена коммуникативной функции в русском языке в большей степени, чем в немецком языке, поскольку коммуникативная функция порядка слов в русском языке не имеет каких-либо ограничений со стороны грамматической системы языка, а в немецком языке элементы фиксированного порядка слов ограничивают выражение коммуникативного задания в предложении. Русский язык относится к синтетическим языкам, а немецкий язык лишь частично имеет признаки синтетизма, и вследствие этого в данных языках синтаксические и морфологические модели языковых единиц различаются, и коммуникативное членение (информационная структура) предложения в данных языках должно осуществляться различным образом. Синтаксическое членение коррелирует со структурой суждения как пропозициональной функции.

Логико-грамматическое членение предложения изоморфно субъектно-предикатной структуре мысли, выражаемой предложением. Коммуникативные функции языка, коммуникативный статус элементов предложения и методы определения этих компонентов, постоянно находятся в поле зрения исследователей, доказывающие, что предложения разных языков, передающие идентичную информацию, выражающие одну и ту же мысль, на логико-грамматическом уровне имеют одну и ту же структуру, отражающую структуру логической фразы, которая объединяет суждение, вопрос и побуждение как свои разновидности и является универсальной формой мышления, свойственной всему человечеству.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Панфилов В.З.* Взаимоотношение языка и мышления. М.: Наука, 1971.
2. *Панфилов В.З.* Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. М.: Наука, 1982.
3. *Пумпянский А.Л.* Информационная роль порядка слов в научной и технической литературе. М.: Наука, 1974.
4. *Пумпянский А.Л., Абдрахманова Р. Дж.* Логико-грамматическое членение предложения в немецкой научной и технической литературе (сильный порядок слов) // *Язык и стиль научной литературы*. Калинин, 1987. С.54–63.
5. *Абдрахманова Р.Дж.* Преемственность исследований, трактовок состава и компонентов логико-грамматического уровня членения предложения // *Вестник КНУ, Серия 6, вып. 2, 2008*. С. 17–24.
6. *Абдрахманова Р.Дж.* Логико-грамматический уровень членения предложения в немецком и русском языках (функционирование билингвистической схемы порядка слов). Монография. Бишкек, КРСУ, 2013. 120 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Раздел 1. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ КАК ОСОБЫЙ РАЗДЕЛ ЯЗЫКОЗНАНИЯ	4
§1 Направления лингвистической типологии, цели типологических исследований	4
§2. Зарождение и первоначальное развитие типологии языков в зарубежном (немецком) языкознании.....	12
2.1. Типологическая и генеалогическая классификации языков (Фридрих Шлегель, Август Шлегель, Ф. Бопп).....	12
2.2. Морфологическая классификация языков В. фон Гумбольдта.....	16
2.3. Концепция морфологических типов языков А. Шлейхера.....	20
2.4. Классификация языков А. Шлейхера.....	22
§3. Классификация языков Ф.Ф. Фортунатова	24
§ 4. Характеристики классических морфологических типов языков.....	25
4.1. Флективные языки	26
4.2. Агглютинативные языки	28
4.3. Изолирующие языки.....	29
4.4. Инкорпорирующие языки	30
§ 5. Концептуальная (функциональная) типологическая классификация языков Э. Сепира.....	31
5.1. Классификация языков Э. Сепира.....	34
§ 6. Квантитативная типология Дж. Х. Гринберга	35
6.1. Типологические квантитативные индексы Дж. Гринберга	36

§ 7. Методы типологических исследований	39
7.1. Методы сравнения	41
7.2. Дистрибутивный анализ.....	42
7.3. Компонентного анализа метод.....	44
7.4. Непосредственно составляющих метод	46
7.5. Трансформационный метод	47
§ 8. Место немецкого, английского и русского языков в морфологической (типологической) классификации языков мира	48
Раздел 2. УНИВЕРСАЛИИ	51
§ 9. Классификации универсалий.....	52
9.1. Грамматические универсалии	55
9.2. Семиотические универсалии	56
9.3. Языковые и речевые (психолингвистические) универсалии	57
9.4. Фонетико-фонологические универсалии	59
9.5. Морфологические и синтаксические универсалии	61
9.6. Лексические и лексико-семантические универсалии.....	62
Раздел 3. ТИПОЛОГИЯ ФОНЕТИКИ.....	65
§ 10. Фонетико-фонологическая типология	65
10.1. Тонические и атональные языки	67
10.2. Слоговые и неслоговые языки.....	68
Раздел 4. ЛЕКСИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ.....	73
§11. Лексическая типология	73
11.1. Типологические параметры слова.....	74
11.2. Характер разделения лексических единиц	77
11.3. Типология синонимии и антонимии. Типология выражения смысла.....	79

Раздел 5. ТИПОЛОГИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЯЗЫКА.....	83
§12. Категоризация в языке. Классифицирующие (лексико-грамматические и словоизменительные) категории	83
§ 13. Понятийные категории и языковые семантические функции в грамматике	84
Раздел 6. СИНТАКСИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ЯЗЫКОВ.....	88
§14. Номинативный, эргативный, активный, классный и нейтральный строй языка	89
§15. Типология порядка слов	92
§16. Синтаксический и логико-грамматический уровни членения предложения как языковые универсалии	96
РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА.....	103

Раиса Джолдошевна Абдрахманова

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ

Учебное пособие

Редактор *Е.М. Кузичева*
Компьютерная верстка *М.Р. Фазлыевой*

Подписано в печать 08.07.14.
Формат 60×84 ¹/₁₆. Офсетная печать.
Объем 6,75 п.л. Тираж 100 экз. Заказ 72.

Издательство КРСУ
720000, г. Бишкек, ул. Киевская, 44

Отпечатано в типографии КРСУ
720048, г. Бишкек, ул. Горького, 2